

Братъ
Я СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

Матюшенко Афанасій
Матросы

Ч е р н а г о М о р я.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Севастопольская эскадра передъ «Потемкинъ» (стихотвореніе). 2. Правда о «Потемкинѣ» (написалъ Афанасій Матюшенко). 3. Заявленія команды «Потемкина». 4. Приказъ адмирала Чухнина. 5. Похороны Гр. Вакуленчука въ Одессѣ (написалъ Афанасій Матюшенко).

1905.

Бібліотека

научного товариства

Іоанн ШЕВЧЕНКА.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Револуціонеровъ.

466,6(2)-243.22

Севастопольская эскадра передъ «Потемкинымъ.»

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

«Пустить безъ пощады ко дну бунтарей!»
Гремитъ адмиральскій приказъ.
«Иль дожили мы до невиданныхъ дней,
И власти не стало у насъ?
Нѣтъ, полно! Еще намъ не вышелъ чередъ,
Еще намъ далеко до смѣны!...»
И пышетъ эскадра, дымитъ и плыветъ —
Карать преступленье измѣны.
Клокочетъ, вздымаясь надъ бортомъ, волна,
И съ каждымъ паденьемъ зыбей
Душа адмирала сильнѣй смущена,
Лицо все блѣднѣй и блѣднѣй.
Съ тоскою безсильной онъ чуетъ — вокругъ
Зловѣщее зрѣтъ рѣшенье,
И зрѣтъ, и рѣтъ надъ флотомъ, какъ духъ,
Какъ совѣсти грѣшной видѣнье...
Пора... Ужъ одесская гавань вдали
Блѣдется смутнымъ кольцомъ...
Дымится «Потемкинъ»... «Къ орудіямъ!.. Пли!...»
Ни звука... Молчанье кругомъ...
...
Ни флота!.. Ни пушекъ!.. Ни войскъ!.. Ни царя!..
И съ мракомъ испуганнымъ споря,
Кровавой свободы пылаетъ заря
Надъ бездною Чернаго моря.

Е. С.

Оригиналъ этого стихотворенія принадлежитъ перу извѣстнаго социалистическаго поэта Карла Генкеля и появился въ газетѣ «Vorwärts».

Львівська державна
наукова бібліотека

№

3921

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

ПРАВДА О „ПОТЕМКИНЪ“

Написалъ Минно-Машинный Квартирмейстеръ Первой
Статьи броненосца «Князь Потемкинъ Таврическій»
Афанасій Матющенко.

Матросъ служитъ, какъ каждому извѣстно, семь лѣтъ. Че-
го же ради онъ служитъ, спрашивается, эти долгія семь
лѣтъ? А служить онъ ихъ, видите-ли, „за вѣру, царя и отече-
ство“. Онъ долженъ вести войну съ врагами внѣшними и
внутренними. Внѣшній врагъ это, понятно всѣмъ и каждому,
другіе народы, какъ то: турки, японцы, англичане и вообще
всѣ тѣ народы, которые также имѣютъ свое правитель-
ство и свою вѣру. Это каждый матросъ знаетъ и понимаетъ
и съ охотой пойдетъ на смерть. О врагахъ внутреннихъ го-
ворятъ, что надо ихъ убивать безъ сожалѣнія и какъ можно
больше. Но намъ не объяснили, кто это такіе враги внут-
ренніе. Многіе командиры говорятъ, что это „жиды“, или по-
ляки; а большая часть офицеровъ объясняетъ, что это боса-
ки, рабочіе и студенты. Такія-то объясненія даютъ офицеры
матросамъ. Но матросы давай сами разбираться — какіе у
нихъ самые опасные враги? Взяли первыхъ — евреевъ. Ев-
реи, дѣйствительно, другой вѣры; у нихъ другіе порядки, дру-
гой языкъ, иные увѣряютъ будто они хотятъ закупить всю
землю въ Россіи и тогда, дескать, поневолѣ придется идти
мужику работать на еврея. Вторые „враги“, — поляки, кото-
рые стрѣляютъ изъ ружей и револьверовъ и бросаютъ бомбы
въ солдатъ, и въ особенности въ начальство. Значитъ, они
„нарушаютъ весь государственный строй и порядокъ“; зна-
читъ, они тоже „враги Россіи“. Теперь возьмемъ самыхъ
опасныхъ враговъ нашихъ — русскихъ рабочихъ. Рабочіе
всѣ почти русскіе, одной вѣры съ нами, но они „бунтуютъ“,

требуютъ уменьшенія рабочаго дня и увеличенія заработной платы. „Это матроса не касается“: „у васъ“, говорятъ офицеры, „есть казенныя квартиры, обмундированіе и пища; кромѣ того, вы получаете хорошее жалованіе; значитъ, вамъ нечего равняться съ мастеровыми да рабочими и вы, братцы, должны стрѣлять въ рабочихъ и хорошенько подслушивать, не говорятъ-ли мастеровые противъ начальства и если услышишь что подобное, то твоя обязанность тащить такого рабочаго въ участокъ, за что получишь наше спасибо, а отъ бога царствіе небесное.“ Теперь возьмемъ послѣднихъ нашихъ „враговъ“ — студентовъ. Про нихъ офицеры такъ говорятъ, что, дескать, „эти студенты кричатъ: намъ не надо царя, не надо святѣйшаго синода, который за насъ молится богу; не надо намъ и начальства“. „Подумайте-ка, братцы, развѣ можно безъ начальства жить? Тогда насъ каждое государство придетъ и возьметъ, и будемъ мы ему платить дань. Опять таки студенты требуютъ свободы и равенства для всѣхъ. Какъ же такъ можно, чтобы были всѣ равны? Я офицеръ, благородный человѣкъ, хорошо образованный; а ты, вовсе неграмотный, хочешь быть мнѣ равнымъ? Этого никогда не можетъ быть. Вамъ хорошо извѣстно, что я не умѣю ничего работать; я только умѣю командовать вами; да вообще и работа намъ запрещена самимъ богомъ. Мы всѣ благородные люди, потомки библейскихъ патріарховъ Сима и Афета, а вы всѣ потомки Хама; вашего предка проклялъ самъ богъ за то, что онъ смѣялся надъ своимъ отцомъ, и отдалъ его племя въ рабство намъ, чтобы вы работали на насъ. Смотрите-жъ, вы должны насъ слушать безпрекословно и исполнять наши приказы точно“!

Такъ намъ объявляло наше начальство всюду и вездѣ, гдѣ нужно и гдѣ не нужно.

И вотъ такъ матросы Чернаго моря начали свою службу. Ходили бить поляковъ, евреевъ, своихъ братьевъ рабочихъ и студентовъ. И такъ это велось до 1895 г. Во все это время матросы не обращали вниманія на то, что это они дѣлаютъ. Никогда никто почти не спросилъ, хорошо ли убивать еврея или поляка, русскаго рабочаго и студента. Офицеры

говорили, что это очень хорошо; дарили матросамъ по чаркѣ водки; говорили имъ „спасибо!“ Матросы громко кричали въ отвѣтъ: „рады стараться, ваше высокоблагородіе!“ И такъ оно велось бы долго, если бы матросъ велъ праздную жизнь и слушалъ только свое начальство. Но въ томъ то и штука, что нѣкоторые начали читать хорошія книги, гдѣ встрѣчали какого нибудь героя, которому палачъ готовъ отрубить голову на плахѣ, а тотъ, при послѣднемъ вздохѣ, кричить: „да здравствуетъ свобода и равенство!...“ Поневолѣ матросъ думаетъ: „что же это за свобода и равенство, что человѣкъ, не шадя своей жизни, идетъ за нихъ на смерть?“ Стали другъ друга спрашивать: „что это такое — свобода и равенство?“ — Никто ничего не знаетъ. Пошли спрашивать офицеровъ. Ихъ арестовали. Тогда матросы рѣшили, что тутъ что нибудь да есть, и вотъ нѣкоторые бросили пьянство, праздную жизнь и начали больше сходиться съ рабочими, спрашивать, что такое свобода и равенство?

Рабочіе отвѣчали, что свобода и равенство нужны для того, чтобы каждый трудящійся могъ свою силу и работу употреблять въ свою собственную пользу; а то-де мы работаемъ день и ночь, а деньги у насъ и трудъ отнимаютъ фабриканты, помѣщики, да купцы. Мы работаемъ за извѣстное жалованіе: сдѣлалъ вещь, отдалъ фабриканту, тотъ выдалъ жалованіе и дѣло съ концомъ. Но вѣдь это неправильно. Я вамъ покажу на примѣрѣ: рабочій поступаетъ на заводъ, по-дневная плата средняя 90 коп. Предположимъ, онъ сдѣлалъ за пять дней одинъ плугъ и получилъ за каждый день 90 коп., что, въ общемъ, составляетъ 4 р. 50 к. Теперь, приходитъ изъ деревни братъ рабочаго покупать плугъ для распашки земли; спрашиваетъ купца: сколько стоитъ плугъ? Купецъ говоритъ: „25 рублей“. Мужикъ вынимаетъ деньги, отдаетъ купцу и дѣло съ концомъ. Что же выходитъ? — Рабочій сдѣлалъ купцу плугъ за 4 р. 50 к., купецъ далъ ему жалованіе. Мужикъ купилъ у купца плугъ за 25 руб. Во всемъ этомъ нѣтъ кажется ничего такого, чтобы касалось *свободы и равенства*? Такъ вотъ, братцы матросы, я вамъ скажу, что тутъ то и есть запятая! Рабочій думаетъ

такъ: „слава богу, работаю, значить и хлѣбъ у меня будетъ и жену одѣну, а ребята мои лѣтомъ будутъ ходить босыя и голыя, а зимой пускай сидятъ на квартирѣ“. Мужикъ думаетъ: „слава богу, купилъ плугъ! Хотя и спалъ мало, и не кушалъ, и на дождѣ мокъ весною, а лѣтомъ на солнцѣ жарился, зимою ноги морозилъ, а все таки плугъ есть!“ Купецъ думаетъ: „эти 25 руб. я пошлю сыну за границу; онъ будетъ тамъ поддерживать славу моего завода! Да нужно-же мальчику и удовольствіе имѣть: въ театръ, на балъ сходить!...“ Теперь станемъ считать, сколько стоитъ плугъ. Пускай желѣзо стоитъ 8 руб. и 1 р. 50 к. дерево; значить, плугъ всего стоитъ купцу 15 руб., а продалъ онъ его за 25 руб. Купцу приходится 10 руб. чистаго барыша. За что же, спрашивается, ему 10 руб. подарилъ рабочій? Вѣдь это *его* трудъ и потъ? А вотъ за что: у рабочаго есть умѣніе работать плугъ, только нѣтъ денегъ, чтобы купить желѣзо и инструменты, чтобы устроить свою мастерскую. Имѣй онъ матеріалъ и инструменты, рабочій сдѣлалъ бы плугъ, и гораздо дешевле бы его продалъ; было-бы и рабочему хорошо, и мужику лучше бы жилось. Такъ вотъ, братцы, какъ купцы насъ обираютъ! Въ каждомъ заводѣ работаетъ не одинъ рабочій, а сотни, тысячи; значить, и плуговъ дѣлаютъ не одинъ, а тысячи; значить, купецъ получаетъ не десять рублей въ день, а тысячи, которыми онъ швыряетъ направо и налево. И выходитъ, что мужикъ работаетъ въ полѣ, а рабочій на заводѣ, а купцы проживаютъ ихъ деньги за границей! Такъ вотъ, братцы, на что намъ свобода и равенство: чтобы каждый рабочій и мужикъ пользовался всепѣло своимъ трудомъ.

Матросы начали думать о томъ, что слышали, и по ихнему выходило то-же самое, — что купцы, фабриканты и помѣщики народъ грабятъ безсовѣстно. Вотъ и говорятъ матросы: „такъ давайте, перебьемъ купцовъ, и дѣло съ концомъ; что же долго думать?“ Но рабочій на это отвѣчаетъ, что купцовъ перебить всѣхъ нельзя, потому что у купца за спиной сидитъ городской и вся полиція: „если мы будемъ бить купцовъ, то за купцовъ заступится городской, за городovýmъ — приставъ, а за приставомъ — жандармы, а за жандармомъ

уже и войско, а насъ — часть перебьютъ, часть погонять въ Сибирь, а часть по острогамъ и тюрьмамъ посадятъ. Значить, намъ бороться *однимъ* очень трудно“.

Подумали—подумали матросы и рѣшили, что рабочій народъ и деревенскій мужикъ вовсе не врагъ матроса, а еще другъ. А рѣшивъ это, опять спрашиваютъ: „кто же намъ врагъ? Студентъ?“ Рабочій на это отвѣчаетъ, что студенты это такіе люди, которые учатся въ самыхъ лучшихъ заведеніяхъ, отлично знаютъ всю неправду, которая творится по всей русской землѣ и громко кричатъ, что такъ жить нельзя, какъ мы живемъ, — что надо, чтобы всею русскою землею владѣли не отдѣльныя лица, а весь народъ и надо людямъ дать свободу дѣлить ее поровну между всѣми; чтобы у одного лица не было больше, чѣмъ у другого. Тогда нашъ народъ будетъ работать на своей землѣ, у него будетъ достатокъ и довольство, тогда сынъ его не пойдетъ къ помѣщику въ батраки, а дочь въ служанки, (эти грабители отнимаютъ не только трудъ рабочаго и крестьянина, но отнимаютъ и дѣтей); тогда поневолѣ помѣщикъ, чтобы не сидѣть холоднымъ и голоднымъ, сброситъ свой фракъ, засучитъ рукава и будетъ наряду съ рабочимъ и крестьяниномъ добывать кусокъ хлѣба.

И еще говоритъ рабочій: „студенты пишутъ такія книги, гдѣ объяснена вся правда и какъ можно ея добиться. Эти книги наше правительство не хочетъ печатать, чтобы народъ не читалъ ихъ, и не зналъ, откуда льется на его голову столько горя и разнаго несчастія. Но студенты печатаютъ свои книжки противъ воли начальства. За это ихъ сажаютъ по крѣпостямъ, по тюрьмамъ и ссылаютъ въ Сибирь. Но студенты смерти не боятся, смѣло идутъ на штыки солдатъ и подъ шашки казаковъ: здѣсь ихъ побили, разогнали, которыхъ посадили въ крѣпость; а они уже собрались въ другомъ мѣстѣ, кричатъ: „свобода и равенство русскому народу!“ Значить, и студентъ не врагъ народа и отечества, а самый лучший другъ и борецъ за свободу.“ Такъ матросы и рѣшили, что студентъ, вѣрно, самый лучший другъ народа и

матроса, потому что, вѣдь, матросъ самъ изъ народа, онъ самъ — тотъ же рабочій.

„Теперь посмотримъ, какой намъ врагъ полякъ и еврей. Польскій рабочій и еврейскій рабочій такъ же работаютъ, какъ и русскій рабочій: ихъ такъ же обираютъ польскіе и еврейскіе купцы, заводчики и землевладѣльцы, какъ обираютъ русскіе капиталисты русскаго рабочаго и русскаго мужика. Значить, польскій рабочій людъ и еврейскій не враги намъ, а такіе же несчастные, обиженные и ограбленные люди, какъ и мы.“

Матросы подумали и рѣшили, что это сказано рабочимъ правильно и вѣрно.

Теперь спрашивается, гдѣ же враги внутренніе, какъ ихъ описываетъ начальство? Такихъ вовсе въ Россіи нѣтъ?!... А вотъ есть капиталисты... Можно бы собраться, чел. 10, пойти отнять у капиталиста заводъ и отдать мастеровымъ: они будутъ работать вмѣстѣ, заработанныя деньги подѣлять поровну и будутъ хорошо жить...

„Нѣтъ, братцы“, опять говоритъ рубочій, „такъ нельзя: мы пойдемъ отнимать у богача землю и заводъ, — но придетъ полиція, казаки и солдаты и насъ побьютъ, перевяжутъ и дѣло съ концомъ!...“

— А какая польза городовому мѣшаться въ это дѣло?

„Какъ какая? Городовой служить въ полиціи, получаетъ жалованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ грабитъ народъ. Каждому извѣстно, что скажи что нибудь городовому — онъ тебя сейчасъ беретъ въ участокъ, обыскиваетъ — нѣтъ ли у тебя ножа, или револьвера, чтобы ты, будто, не лишилъ себя жизни, а на самомъ дѣлѣ ищетъ, сколько у тебя денегъ въ карманѣ!... Если усмотритъ, что у тебя деньги етъ, то онъ самымъ вѣжливымъ образомъ проситъ полтинникъ, говоритъ, что у него семья, что вотъ онъ изъ-за тебя ходилъ и сапоги рвалъ, нужно ихъ чинить, а денегъ нѣтъ... „Дай“, проситъ, „взаимы, пожалуйста; въ слѣдующій разъ попадешь въ участокъ, я тебѣ отдамъ“... Если дашь полтинникъ, то сейчасъ же

получишь свободу (только лишь до слѣдующаго городского!). А если добромъ не отдашь денегъ, то онъ тебя посадить въ мѣшокъ, а деньги твои, всѣ сколько есть, отберетъ. На утро приходитъ и говоритъ: „Ты свободенъ, можешь идти, куда хочешь; вотъ твои деньги“. Открываешь кошелекъ, считаешь деньги — деньги не всѣ, и говоришь ему: „Слушай, городской, деньги здѣсь не всѣ“. — „Какъ такъ не всѣ, пьяная рожа? Значить, по твоему, полиція деньги воруетъ? Ахъ ты, босякъ!“ И — трахъ по скуламъ! А потомъ и выталкиваетъ въ шею: иди, куда знаешь. Выйдешь изъ участка и думаешь: какъ же такъ? — арестовали, ограбили вдоволь, да еще и побили... За что же это? Пойду, пожалуйюсь приставу. Идешь обратно въ участокъ. Входишь, а городской ужъ кричить: „Ты опять здѣсь?! Что тебѣ надо? Или еще хочешь клоповъ покормить?“ Ему говоришь, что-де я хочу пожаловаться частному на то, что пропали деньги, что даромъ посадили въ мѣшокъ и вдобавокъ побили. Городской говоритъ: „А ты законы знаешь? Въ книгѣ законовъ сказано, что нужно всегда жаловаться по начальству, начиная съ городского и до царя; вотъ ты хочешь жаловаться на меня, скажи, въ чемъ состоитъ твоя жалоба, а я доложу высшему начальнику.“ Ему говоришь... Тутъ поднимается шумъ и крикъ; городской не пускаетъ къ приставу, а бѣдный обиженный просить, чтобы допустили къ начальству, начальство-де — наши отцы-наставники, они могутъ наказать и помиловать! Да къ тому же и попъ говорить, что нѣтъ власти не отъ бога; потому начальникъ и мечемъ опоясанъ, чтобы творить судъ и правду. Но вотъ — о, счастье! — выходитъ самъ приставъ. У рабочаго забилося радостно сердце: вышелъ частный, значить, онъ долженъ разсудить справедливо... Но каково же его изумленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ испугъ, когда онъ слышитъ первыя слова изъ устъ пристава: „Это что за босякъ?“ спрашиваетъ приставъ у городского. „Это, ваше благородіе, — вчера былъ пьянъ, кричалъ по городу, такъ я его арестовалъ, посадилъ въ мѣшокъ, а онъ теперь проспался и говоритъ, что я у него деньги уворовалъ“. Приставъ топаетъ ногами, кричить, ругается, какъ извозчикъ. „Я те-

бя“, говорить, „мерзавца, въ Сибирь упеку, къ разстрѣлу поставлю! Посадить его въ холодную!“ Берутъ его городовые, ведутъ въ холодную. Бѣдный рабочій думаетъ: „За что такая несправедливость? Я работалъ 6 дней, думалъ отдыхъ имѣть въ праздникъ, а тутъ—на тебѣ: арестовали, побили, ограбили; дома жена ждетъ, дѣти голодные плачутъ, а я въ тюрьмѣ!“ Такъ думаетъ рабочій, когда его ведутъ опять въ кутузку. А городской говоритъ: „Вотъ, дуракъ, пожалѣлъ полтинника, теперь отдашь 5 рублей.“ — „Какъ такъ?“ спрашиваетъ рабочій. — „А очень просто“, говоритъ городской, „писали на тебя рапортъ губернатору; надо теперь порвать его; это стоитъ денегъ. Вотъ дай пристава 5 рублей — рапортъ порвутъ, и ты опять будешь свободенъ“. Бѣдный рабочій думаетъ: есть у меня 5 руб., на которые хотѣлъ купить женѣ и дѣтямъ рубашки... Отдамъ ихъ пристава, только бы выпустили, а то вотъ уже день прогулялъ, какъ бы не считали!...“ и говоритъ городовому: „Я согласенъ, отдамъ пристава 5 рублей, только, ради бога, пускай выпустить.“ — „Хорошо“, отвѣчаетъ городской, „я скажу частному, что ты согласенъ на потушенъе протокола, только это для меня много хлопотъ, такъ ты и мнѣ тамъ перекинешь полтинничекъ. Согласенъ, а?“ Рабочій уже напуганъ Сибирью, онъ радъ на все! Отпускаютъ его, наконецъ, домой, спросятъ, гдѣ квартира, номеръ дома и отпустятъ съ богомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ черезъ полчаса уже былъ въ участкѣ съ деньгами. Рабочій приходитъ домой, достаетъ послѣдніе 5 рублей, посмотреть на жену — она безъ сапогъ, дѣти голыя, ведро течетъ, ухватъ и горшки побиты и поломаны, тулупъ разорванъ... все это можно было бы на эти пять рублей починить или купить новое, а тутъ приходится отдавать пристава, у котораго хорошая дача, хорошо одѣта жена и дѣти, хорошій выѣздъ... Да, приходится отдать послѣднія потомъ заработанные деньги, будь онѣ прокляты! Приходитъ въ участокъ, городской спрашиваетъ: „деньги принесъ?“ — „Берите.“ — „Сейчасъ доложу барину, подожди здѣсь“, говоритъ полицейскій, уходитъ и докладываетъ: „Ваше благородіе, тамъ рабочій пришелъ и деньги принесъ“. — „Ага, хорошо, зови его

сюда“. Городовой выходитъ изъ кабинета и говоритъ: „Баринъ требуетъ.“ Рабочій входитъ въ кабинетъ, снимаетъ шапку и стоитъ, не зная, какъ съ такимъ и начинать говорить. Приставъ доволенъ: „ну что, принесъ деньги?“ — „Принесъ, баринъ.“ — „Ну такъ давай сюда и ступай, куда хочешь.“ Рабочій отдаетъ 5 руб. и выходитъ, а городской ужъ тутъ: „А мнѣ за хлопоты на чай?“ Рабочій вынимаетъ 50 коп., отдаетъ и хочетъ уходить. „Постой, землячокъ“, говоритъ полицейскій: „я тебѣ что то скажу. Если съ тобой въ другой разъ приключится такая же самая штука, такъ ты лучше пожертвуй нашему брату, городовому, рубль, чѣмъ частному 5 руб. Онъ и такъ богатый, ему и купцы даютъ; да ты и самъ знаешь — чѣмъ выше начальство, тѣмъ ему больше надо. Такъ и знай. Прощай, землячокъ.“

Вотъ уйдетъ, наконецъ, рабочій и думаетъ: „гдѣ же мнѣ искать правды?... Купцы обираютъ; городовые обираютъ, пристава тоже обираютъ... Что же это такое?... Самъ не знаю!... Ага, схожу къ попу, тотъ навѣрно это все знаетъ и объяснить, въ чемъ дѣло“. Приходитъ онъ къ попу. „Здравствуйте, батюшка!“ — „Здравствуй, сынъ мой, что у тебя крестины или похороны?“ — „Нѣтъ, батюшка, вотъ такая то и такая штука...“ и начинаетъ объяснять, какъ было дѣло. Священникъ слушаетъ со вниманіемъ и говоритъ: „Ты, сынъ мой, рѣдко въ церкви бываешь, надо ходить чаще. Я всегда читаю проповѣди, а теперь у меня нѣтъ времени съ тобой говорить. Такъ вотъ, я тебѣ скажу вкратцѣ, что во святомъ евангеліи сказано: „имущему дастся и приумножится, а у неимущаго отнимется и то, что имѣлъ“; Христосъ сказалъ такъ. Цѣлуй мою руку и иди съ миромъ“.

Рабочій почешетъ затылокъ, потопчется на мѣстѣ: видимо хочется ему что то сказать, да нѣтъ ужъ... махнетъ рукой и пойдетъ.

Зналъ онъ у кого искать правды, несчастный человѣкъ! Какая можетъ быть, при нашихъ порядкахъ, для рабочаго правда, когда его считаютъ за безправное животное, которое не должно даже жаловаться на кого бы то нибыло! За

рабочимъ признаются только обязанности, напримѣръ, обязанность платить деньги за освобожденіе изъ участковъ и отъ разныхъ темныхъ дѣлишекъ полицейскихъ агентовъ, пропорціонально ихъ чину и званію. Если приставъ выжалъ изъ рабочаго 5 руб., то полицеймейстеръ выжметъ — десять, а губернаторъ 15; а у губернатора то еще имѣется цѣлая канцелярія, гдѣ сидитъ стая малыхъ птенчиковъ, которые, какъ только завидятъ сѣрый армякъ крестьянина, или засаленую блузу рабочаго, то сейчасъ же, какъ по командѣ, пораскрываютъ роты, потому что и имъ должны перепастъ хоть какія нибудь крохи.

Теперь, пойдѣ рабочій въ Государственный Совѣтъ, это самое высшее государственное учрежденіе, гдѣ должна сіять во всемъ правда и истина, — что онъ тамъ найдетъ? А вотъ что. Представимъ себѣ, заходитъ рабочій въ залу Совѣта, снимаетъ шапку, крестится на иконы и кланяется свѣтиламъ правды: Булыгину и Побѣдоносцеву. Думаетъ онъ: „Это все такіе же люди, какъ и я; расскажу имъ, откуда пришелъ и зачѣмъ. Пришелъ я изъ далека, тысячи полторы, пожалуй, верстъ прошелъ подъ дождемъ и солнцемъ; — можетъ быть, увидя мою бѣдность и услышавъ правду, которую я имъ объясню,—какъ насъ обижаютъ купцы, фабриканты и полиція, можетъ быть и обратятъ вниманіе, — можетъ быть здѣсь я добьюсь правды“...

Но каково же должно быть его изумленіе и ужасъ, когда онъ услышитъ, примѣрно, слѣдующій разговоръ двухъ министровъ. *Первый* спрашиваетъ *второго*: „Что это за чучело такое?“ *Второй*: „Не знаю, право; это, кажется, китаецъ или кореецъ... Нѣтъ, скорѣе всего онъ съ полуострова Камчатки, чалдонъ, который, навѣрно, привезъ намъ котиковыхъ шкурокъ, или же моржевыхъ клыковъ“. — *Первый*: „Вы, пожалуйста, спросите его, чтобы намъ первымъ узнать, что онъ привезъ и скорѣе захватить его шкурки“.

Какъ вы думаете, что сдѣлаетъ рабочій, услышавъ что министры хотятъ захватить его шкурку? Конечно, онъ стремглавъ бросится бѣжать къ государю, рассчитывая, что у ца-

ря онъ найдетъ правду. Вотъ, заходить онъ въ царственные чертоги. Тамъ за столомъ сидитъ богъ земной, русскій помазанникъ божій, на котораго нашло наитіе свыше, наитіе истины и правды. Подходить мужикъ къ царю, падаетъ на колѣни и проситъ выслушать его жалобу. Но тутъ его перебиваетъ великій князь словами: — „Слушай Николка, этотъ мужикъ уже обсосанъ кругомъ; отпусти его съ миромъ“. Государь говоритъ: „Встань, чадо мое, иди во свояси и скажи начальствующимъ лицамъ мое царское спасибо“.

Такъ вотъ каково рабочимъ, крестьянамъ, или матросамъ искать у царя и его приспѣшниковъ правды. И никогда она не настанетъ, пока будетъ надъ нами верховодить нашъ царь и его правительство!

Такъ вотъ, братцы, кто нашъ внутренній врагъ — врагъ рабочаго, врагъ крестьянина, врагъ правды и справедливости!

Матросы, видя истину словъ рабочихъ, ужъ много разъ заявляли своимъ офицерамъ, что они не будутъ стрѣлять въ народъ и рабочихъ. Такъ въ 1901 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда портовые рабочіе города Севастополя забастовали, требуя увеличенія поденной платы и уменьшенія рабочаго дня. Но тогда матросы не стрѣляли въ народъ изъ человѣколюбія: они такъ разсуждали, что сегодня-де я буду стрѣлять въ народъ, завтра сброшу мундиръ и въ меня тоже будутъ стрѣлять. Но это было за четыре съ половиной года до событий на Черномъ морѣ; за это время въ Севастополѣ основался свой социалистическій кружокъ, такъ что у насъ были свои опредѣленные планы: когда эскадра начнетъ компанію 1905 года и пойдетъ на Тендровскій полуостровъ, то на извѣстномъ кораблѣ зажгутъ ракету; тогда команда должна забрать винтовки и съ крикомъ: „да здравствуетъ свобода!“ кинутся по каютамъ, подлыхъ офицеровъ перебить, а сомнительныхъ высадить на берегъ; самимъ же сняться съ якоря и идти въ Одессу. Въ Одессѣ требовать: 1) превращенія арміи въ національную гвардію; 2) учрежденія народнаго правленія, 3) освобожденіе всѣхъ политическихъ заключен-

ныхъ, которые есть въ городѣ Одессѣ. Потомъ мы хотѣли обойти кругомъ все Черное море... Но этому помѣшала случай, который я сейчасъ передамъ съ полной достовѣрностью.

Это было 14 іюня 1905 года, на „Князь Потемкинѣ Таврическомъ“, въ Тендровскомъ заливѣ, около 12 часовъ дня. 13 іюня миноносецъ № 267 пошелъ въ Одессу за провизіей для 14-го іюня (пошелъ около часа дня). На миноносцѣ была команда постоянного состава, ревизоръ корабля — лейтенантъ Назаровъ и артельщики Ѳедоръ Харитоновъ да Наумъ Болацкій и нѣсколько человекъ команды — помогать грузить провизію на миноносецъ. Часовъ въ 10 вечера 13-го миноносецъ пришелъ изъ Одессы. Съ него забрали провизію на корабль. Хлѣбъ положили въ соответственное мѣсто, капусту и картофель положили въ камбузъ*) для чистки. Такъ какъ уже было десять съ половиной часовъ, то для чистки взяли все вахтенное отдѣленіе, которое почистило овощи до смѣны съ вахты, а мясо повѣсили на спардекъ**) съ лѣвой стороны на крючкахъ. Въ 5 часовъ утра разбудили команду. Какъ всегда, она помылась, отиѣли утреннюю молитву, позавтракали и начали скатывать палубу по всему кораблю, но кто то изъ команды замѣтилъ въ мясѣ червей. Одинъ за другимъ команда живо узнала, что мясо съ червями. Начали возлѣ мяса толпиться, слышался ропотъ; толковали что офицеры подлецы, не хотятъ обращать вниманія на пищу команды, — что позвать надо доктора, пусть выброситъ мясо и борщъ за бортъ. Командиръ услышалъ, что команда волнуется, позвалъ доктора, титулярнаго совѣтника Смирнова, на спардекъ къ мясу. Надѣлъ онъ очки, чтобы лучше было видно червей, покрутилъ мясо передъ носомъ, понюхалъ и говорить: „мясо очень хорошее; команда избалована, потому и не хочетъ его кушать; надо только червей смыть водой и мясо будетъ отличное“. Такое заключеніе вывелъ докторъ Смирновъ.

*) Камбузомъ называется судовая кухня.

**) Спардекъ есть площадка, которая образуется потолкомъ надстройки, имѣющей въ средней части корабля.

Командиръ судна, капитанъ 1-го ранга Евгеній Голиковъ приказалъ поставить возлѣ мяса дневальнаго и дать ему карандашъ и бумаги, чтобы онъ записывалъ всѣхъ, кто придетъ смотрѣть на мясо, а потомъ доложилъ бы командиру. Матросы, хорошо зная нравъ и взгляды командира на команду, боялись подходить къ мясу; однако, слышно было, какъ матросы между собою говорили: „какъ теперь служить, какъ воевать, когда въ Японіи плѣннымъ живетъ лучше, чѣмъ намъ? Видно, хотятъ, чтобы мы бѣжали къ японцамъ!“ Кто то изъ кондукторовъ замѣтилъ на это, что въ Портъ-Артурѣ команда ѣла собакъ, а вамъ, вишь, и говядина не хороша!!!

До обѣда команда была въ тревожномъ состояніи духа. Въ 10 съ половиной часовъ утра свиститъ дудка (сигналъ, зовущій матросовъ наверхъ). Достали вино и принесли для командира пробу матросскаго обѣда. Не знаю точно, кушалъ ли командиръ, или нѣтъ; но я видѣлъ самъ, какъ вахтенный офицеръ, прапорщикъ запаса Ливенцовъ кушалъ борщъ, возлѣ лѣваго трапа лѣтней каютъ-кампаніи. Тутъ же проходилъ старшій офицеръ корабля Инполитъ Гиляровскій: — „Ну что, какъ борщъ?“ спросилъ онъ. Прапорщикъ отвѣтилъ: „борщъ чудный; я бы съ удовольствіемъ его ѣлъ, но къ сожалѣнію глотка болитъ“ (точный разговоръ). Между тѣмъ дудка свиститъ къ вину и къ обѣду. Команда, которая пьетъ вино, пошла на шканцы*) пить его, а остальные матросы, взявши кружки съ водой, стали мочить хлѣбъ въ водѣ, а баки (деревянные сосуды) съ борщемъ никто не беретъ: всѣ почти сидятъ по обѣимъ сторонамъ камбуза (то есть — судовой кухни), поближе къ водѣ. Приходитъ въ кухню Гиляровскій и спрашиваетъ Ивана Данилюка: „почему ты не даешь командѣ обѣдать?“ Данилюкъ отвѣчаетъ: „команда не хочетъ кушать борща, а проситъ чтобы сварили чай и дали масла.“ Въ это время входитъ командиръ Голиковъ и спрашиваетъ: „Въ чемъ дѣло?“ Гиляровскій отвѣчаетъ: „Команда не хо-

*) Шканцы — средняя часть корабля; считается самой почетной и даже священной его частью.

четь ѣсть этого борща“. Командиръ спросилъ: „Ребята, почему не кушаете борща?“ Въ толпѣ матросовъ отвѣчаютъ: „Кушай самъ, а мы будемъ кушать воду съ хлѣбомъ“. Голиковъ приказалъ бить сборъ. Забили тревогу; команда вся, какъ одинъ человѣкъ, пошла на ютъ *); стали во фронтъ; вышелъ старшій офицеръ, командиръ скомандовалъ: „Смирно“. Командиръ сталъ на буксирный кнехтъ и обратился къ командѣ съ такой рѣчью: „Я неоднократно говорилъ, что такіе безпорядки на военномъ кораблѣ не допускаются; за это вашего брата вонъ тамъ вѣшаютъ (при этомъ онъ показалъ на нокъ **). Ребята, кто хочетъ кушать борщъ, выходи сюда“. Боцмана и нѣкоторые унтеръ-офицеры вышли и стали поперекъ (или, какъ между моряками говорится, „по траверсу“) корабля. Командиръ, видя, что команда, за исключеніемъ какихъ-нибудь десяти-двѣнадцати человѣкъ, не двигается, скомандовалъ: „Караулъ на верхъ!“ Караулъ черезъ минуту стоялъ на мѣстѣ.

См. чертежъ № 1.

Команда хорошо знала, что это значить. Это означало что сейчасъ пойдетъ опросъ матросовъ и расправа съ ними по одиночкѣ. Поэтому команда вся кинулась къ башнѣ и столпилась тамъ: вмѣстѣ, въ кучѣ, матросы чувствовали себя безопаснѣе и могли говорить съ начальствомъ изъ толпы, т. е. не рискуя быть узанными и выданными изъ нея. Старшій офицеръ, какъ только команда стала перебѣгать къ башнѣ, закричалъ: „довольно!“ и вмѣстѣ съ вахтеннымъ офицеромъ Ливенцовымъ не пустилъ часть второй вахты смѣшаться съ остальными. Затѣмъ онъ приказалъ караулу оцѣпить эту часть и переписать ее поименно. Команда стояла между тѣмъ у башни, блѣдная и напряженная, видя своихъ товарищей оцѣпленными карауломъ... и вдругъ въ этой страшной тишинѣ раздается окрикъ старшаго офицера: „Боцманъ, давай бре-

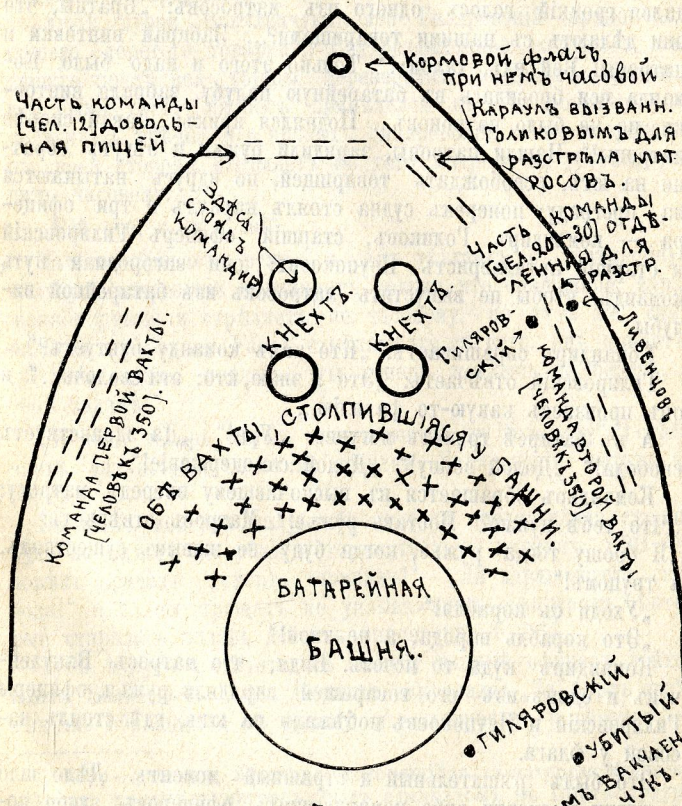
*) Ютомъ называется мѣсто на кораблѣ отъ кормы до бизань-мачты.

**) Нокомъ, или покреей, называется одна изъ поперечныхъ, подвижныхъ балокъ наверху мачты.

зенть!“ У команды захватило духъ: передъ ея глазами готовились безъ суда и слѣдствія, за то, что они не соглашались употреблять мясо съ червями, перебить, какъ крысъ въ

№ 1.

ПЕРВЫЙ МОМЕНТЪ.

ВТОРОЙ МОМЕНТЪ.

мѣшкѣ, человѣкъ двадцать съ лишнимъ безоружныхъ ихъ товарищей! Приказъ, отданный Гиляровскимъ боцману, значилъ, что этихъ товарищей накроютъ пеньковымъ пологомъ (брезентомъ) и дадутъ по нимъ, совершенно безпомощнымъ, нѣсколько залповъ. Въ каждомъ изъ блѣдныхъ матросовъ, столпившихся у башни, сердце колотилось въ груди отъ жалости, ужаса и гнѣва, но никто не зналъ, что дѣлать. Вдругъ раздался громкій голосъ одного изъ матросовъ: „Братцы, что они дѣлаютъ съ нашими товарищами?... Забирай винтовки и патроны! Бей ихъ, хамовъ!“ Только этого и надо было. Команда вся бросилась въ батарейную палубу, забрала винтовки, но не было патроновъ... Поднялся крикъ: „Давай скорѣе патроны!“ Нашли патроны, зарядили ружья и бѣгутъ обратно на ютъ, освобождать товарищей, но вдругъ натываются на преграду: поперекъ судна стоялъ караулъ и три офицера — командиръ Голиковъ, старшій офицеръ Гиляровский и старшій артиллеристъ Неупокоевъ; они загородили путь командѣ, чтобы не выпустить матросовъ изъ батарейной палубы.

Командиръ спрашиваетъ: „Кто тамъ команду бунтуетъ?“

Гиляровский отвѣчаетъ: „Это я знаю, кто: эта сволочь...“ и онъ произнесъ какую-то фамилію...

А въ батарее гремитъ могучее: „Ура!“ „Да здравствуетъ свобода!“ „Долой войну!“ „Долой самодержавіе!“

Командиръ обращается къ выскочившему впередъ матросу: „Что тебѣ нужно? Поставь ружье!“ Матросъ отвѣчаетъ: „Я брошу тогда ружье, когда буду не живымъ существомъ, а трупомъ!“

„Уходи съ корабля!“

„Это корабль народа, а не твой!“

Командиръ куда то исчезъ. Видя, что матросъ Вакуленчукъ и одинъ изъ его товарищей зарядили ружья, офицеры Гиляровский и Неупокоевъ побѣжали на ютъ, гдѣ стоялъ часовой у флага.

Это былъ рѣшительный и страшный моментъ. Дѣло шло о жизни и смерти либо командующихъ офицеровъ, либо команды. Если бы офицеры остались въ живыхъ, они могли бы

еще повернуть все дѣло въ свою пользу, возстаніе за народную свободу было бы проиграно, а команда попала бы подъ разстрѣль! Товарищъ Вакуленчука побѣжалъ за Неупокоевымъ и почти на бѣгу выстрѣлилъ въ него; тотъ упалъ съ прострѣленной головой за адмиральскій полуброневой люкъ. Матросъ бросилъ винтовку, выбросилъ трупъ за бортъ и затѣмъ вновь схватился за ружье. Забѣжавъ за башню, увидѣлъ Гиляровскаго съ винтовкой и лежащаго подлѣ него въ лужѣ крови Вакуленчука: это Гиляровскій прикончилъ нашего дорогого товарища! Видѣбездыханной жертвы и стоявшаго подлѣ нея убійцы перевернулъ сердце въ каждомъ, кто былъ тутъ. Матросъ прицѣлился въ Гиляровскаго, но получилась осѣчка или промахъ. Гиляровскій, не теряя времени, съ своей стороны стрѣляетъ въ того матроса и, убѣгая, кричитъ часовому:

„Бей его, с...а с...а!“

Часовой бросаетъ ружье, а самъ убѣгаетъ въ батарейную палубу. Гиляровскій поднимаетъ только что брошенное, заряженное ружье и стрѣляетъ по часовому, но тутъ же самъ падаетъ на бокъ. Увидя стрѣлявшаго въ него, онъ кричитъ: „Я тебя знаю, подлецъ, ты теперь пойдешь на берегъ, я тебя задамъ!“

„Я тебя теперь самого пошлю юнгой къ Макарову“*) отвѣчаетъ матросъ, и съ этими словами Гиляровскій летитъ за бортъ.

Въ этотъ моментъ палуба броненосца представляла страшную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и торжественную картину: 800 человекъ кричатъ „смерть тиранамъ!“ „Да здравствуетъ свобода!“ а залпы трещатъ по уходящимъ офицерамъ, которые старались вплавь достичь миноносца № 267.

Тутъ вдругъ выходитъ на палубу минный офицеръ лейтенантъ Вильгельмъ Тонъ. Команда закричала: „За бортъ его!“ Онъ же обращается къ одному изъ матросовъ и говоритъ—

*) Юна—ученикъ, мальчикъ, готовящійся въ матросы; Макаровъ, котораго помянулъ матросъ, былъ адмираломъ въ Портъ Артуръ и пошелъ ко дну вмѣстѣ со своимъ броненосцемъ.

„Я хочу съ тобой переговорить“. Тотъ, повѣривъ слову офицера, просить товарищей отойти и идетъ съ Тономъ къ башнѣ. Вдругъ лейтенантъ выхватываетъ револьверъ и стрѣляетъ въ повѣрившаго ему члена команды. Пуля прошла однако мимо и попала въ руку другому, близъ стоявшему матросу. Тонъ выпустилъ другой зарядъ, который контузилъ правый високъ стояшаго передъ нимъ. Тогда лишь этотъ матросъ стрѣляетъ въ Тона и тотъ падаетъ на палубу; въ него еще дали залпъ человекъ 10, и Тонъ сталъ бездыханнымъ трупомъ. — „За бортъ его!“ кричитъ команда, и Тонъ полетѣлъ за бортъ. Тутъ раздался общій крикъ команды: „Командиръ здѣсь“!

„Давай его сюда“; послышался отдѣльный голосъ.

Командиръ былъ въ помѣщеніи адмирала и навѣрное хотѣлъ броситься за бортъ; но видя бесполезность попытки, вышелъ на палубу въ костюмѣ праотца Адама. Странно было видѣть этого подлаго, свирѣпаго человека, который, обращаясь съ матросами какъ съ вьючной скотиной, — въ то же время обкрадывалъ ихъ — странно было видѣть въ смѣшномъ и униженномъ видѣ. Выходя по трапу, онъ бормоталъ вслухъ: — „Ахъ, я старый дуракъ, что я съ командой, сдѣлалъ!“ Выйдя на верхнюю палубу, Голиковъ обхватилъ одного изъ команды и говорить: „Великій я грѣшникъ передъ командой, прости братецъ!“ — „Я лично противъ тебя ничего не имѣю, какъ команда?“ отвѣчалъ тотъ. Но 800 человекъ команды слишкомъ живо помнили все, что такъ долго и постоянно терпѣли отъ этого человека. „На нокъ его! Онъ насъ нокмъ стращаль!“ закричало множество голосовъ. Другіе голоса перебиваютъ: „Долго ждать! Пулю въ лобъ!“, Голикова отвели подальше на ютъ; раздался залпъ и командира не стало; трупъ его тоже выбросили за бортъ.

Тѣмъ временемъ доплывшіе до миноносца офицеры снялись съ якоря и хотѣли удрать въ Севастополь. Сейчасъ же зарядили одну изъ самыхъ большихъ пушекъ (сорока семи миллиметровъ), и дали выстрѣлъ по миноносцу. Тогда миноносецъ подошелъ къ борту „Потемкина“, и съ него сняли 4-хъ офицеровъ: командира миноносца лейтенанта Клод-

та, ревизора „Потемкина“ лейтенанта Макарова, инженеръ-механика поручика Заушкевича и младшаго артиллерійскаго офицера мичмана Вахтина 2-го, у котораго оказалась рана въ голову. Среди команды раздались крики: „Смерть Макарову!“ — „За бортъ ихъ всѣхъ!“ — Но тутъ вмѣшались истые борцы за народъ и свободу, говоря: „Довольно крови! Теперь корабль въ нашихъ рукахъ, и эти твари намъ не опасны. Давайте соды скатить палубу.“ Команда поставила винтовки въ пирамиды, принесла соды, и началось мытье корабля. Тѣмъ временемъ два минныхъ машиниста нашли подъ цистерной младшаго доктора Голенко. „Куда его, чорта, дѣтъ?“ спрашиваютъ. „Подъ арестъ въ каютъ-компанію!“ Ведутъ еще полковника пріѣхавшаго отъ Обуховскаго завода для пристрѣлки орудій. — „Гдѣ вы его взяли?“ раздаются голоса. — „Въ гардеробномъ ящикѣ; насилу пузатаго чорта вытащили!“ Арестовали и этого. Выходитъ прапорщикъ Алексѣевъ и говоритъ: — „Братцы! не бейте меня, я такой же матросъ, какъ и вы“. Команда закричала: — „Тебя никто не убьетъ, если ты насъ приведешь въ Одессу“. Потомъ замѣтили еще троихъ офицеровъ, которые были на щитѣ для стрѣльбы, въ разстояніи ста сажень отъ корабля*). Тамъ были: механикъ Александръ Коваленко, механикъ Калюжный и командиръ второй роты прапорщикъ Ястребцовъ. Увидя Коваленко, команда, преимущественно машинная, просила его не трогать, потому что онъ хорошій человѣкъ; но все-таки всѣхъ трехъ арестовали. Гдѣ то поймали механика Назарова — тоже посадили.

Итакъ, въ концѣ концовъ оказались арестованными: ревизоръ Макаровъ, мичманъ Вахтинъ, инженеръ-механики — Цвѣтковъ, Заушкевичъ, Калюжный, Назаровъ, Коваленко, докторъ Голенко, полковникъ отъ Обуховскаго завода (фам. неизв.), механикъ по вольному найму Николаевского за-

*) Щитомъ называется плавучая мишень изъ куска парусины съ намалеваннымъ на ней чернымъ кругомъ (для стрѣльбы въ цѣль съ броненосца). Мишень укрѣплена стоймя на плоту съ краинами. На этомъ то плоту и было въ то время три офицера.

вода Харкевичъ, прапорщикъ 2-ой роты Ястребцовъ, прапорщикъ Алексѣевъ, капитанъ корпуса флотскихъ штурмановъ Гурьевъ и командиръ миноносца Клодтъ. Не доставало старшаго доктора. Но тутъ приходитъ вѣстовой Вайнбергъ и говорить: „Старшій докторъ Смирновъ застрѣлился“. Пошли къ нему. Онъ проситъ: „дайте, братцы, умереть спокойно“, — „Что же ты говорилъ, что мясо хорошее?“ замѣчаютъ ему. „Братцы, умирая говорю вамъ, что хорошо все видѣлъ, но не имѣлъ права говорить“. Застрѣлился также лейтенантъ Обуховскаго завода. Убитые: командиръ судна Евгеній Голиковъ, старшій офицеръ Ипполитъ Гиляровский, старшій артиллерійскій офицеръ лейтенантъ Неупокоевъ, старшій минный офицеръ лейтенантъ Вильгельмъ Тонъ, прапорщикъ Ливенцовъ.

Судовой священникъ, горькій пьяница, безобразнаго вида, прозванный командой „отцомъ Халдеемъ“, не только остался живъ, но и не былъ арестованъ.

Послѣ всего описаннаго машинная команда пошла разводить пары и готовить машину, а строевая приготовила корабль по боевому, на случай встрѣчи съ эскадрой. Когда все было готово, снялись съ якоря и пошли въ Одессу.

Дорогой команда выбрала изъ своей среды комиссію, которой и довѣрила управленіе броненосцемъ. Она состояла изъ слѣдующихъ лицъ: минно-машинный квартирмейстеръ I статьи Афанасій Матющенко, машинный квартирмейстеръ I статьи Степанъ Денисенко, строевой квартирмейстеръ II статьи Іосифъ Дымченко, машинистъ Куликъ, минно-машинный квартирмейстеръ II статьи Тимофей Скребневъ, минно-машинный квартирмейстеръ II статьи Лычевъ, трюмный Никишкинъ, вице-кочегаръ Волобуевъ, машинистъ Михайловъ, кочегаръ квартирмейстеръ II статьи Фишковъ, кочегаръ квартирмейстеръ II статьи Зиновьевъ, минеръ Циркуновъ, минный машинистъ Марковъ, артиллерійскій старшина Головкинъ, рулевой квартирмейстеръ Костенко, и еще двое, фамиліи которыхъ я не помню. Подъ управленіемъ этой комиссіи порядокъ на броненосцѣ былъ образцовый, и дѣла шли хорошо. Всѣ главныя рѣшенія принимались съ согласія команды. Выйдетъ, напримѣръ, комис-

сія на палубу и обратится ко всѣмъ матросамъ: „ребята, мы рѣшили послать въ городъ паровой катеръ; согласны?“ — „Согласны!“ — отвѣчаетъ команда и сейчасъ же все дѣлается. Въ прежнее время, при Голиковѣ, все дѣлалось неохотно: бывало, на „шестерку“ никто не хотѣлъ идти гребцами; при новыхъ же порядкахъ всегда бывало больше желающихъ, чѣмъ надо.

Вечеромъ 14-го, часовъ въ 10 съ половиной, мы пришли въ Одессу и стали на якорь на внѣшнемъ рейдѣ. Сейчасъ же отцѣпили паровой катеръ и поѣхали въ городъ за провизіей. По случаю забастовки въ городѣ провизіи не оказалось; тогда артельщикъ заказалъ въ лавкахъ за наличныя деньги 100 пудовъ печенаго хлѣба, картошки, капусты и мяса. 15-го на кораблѣ, по распоряженію комиссіи, была пробита боевая тревога, по которой команда приготовила по 6 снарядовъ на каждое орудіе. Зарядили всѣ 5 минныхъ аппаратовъ, команда такъ и легла спать — каждый у своей пушки. На совѣщаніи комиссіи рѣшили, что города бомбардировать не будемъ, если намъ дадутъ провизіи, угля и воды. Если же не дадутъ, то стрѣлять будемъ въ домъ градоначальника и городской театръ. Рѣшили также свезти офицеровъ, которые не согласны стать за одно съ нами за народное дѣло. Отъ комиссіи пошли выборные къ арестованнымъ офицерамъ, которымъ и былъ предложенъ вопросъ: кто желаетъ положить голову за освобожденіе Россіи и русскаго народа отъ деспота царя и его подлаго правительства? Въ горячихъ словахъ изъявили свое согласіе — умереть или побѣдить — механикъ Александръ Коваленко и докторъ Голенко. Прапорщика Алексѣева задержали силой. Сейчасъ же ихъ освободили изъ подъ ареста.

Утромъ, часовъ около 6, нашего дорогого, незабвеннаго товарища Вакуленчука переодѣли въ чистый тѣльничъ, кальсоны, брюки и форменку, положили на носилки, убрали носилки флагами и пришилили записку къ груди. Содержанія ея я буквально не помню; но приблизительно оно было такое: „Товарищи города Одессы! передъ вами лежитъ трупъ Григорія Вакуленчука, звѣрски убитаго старшимъ офицеромъ Гиляровскимъ лишь за то, что онъ сказалъ: „я не хочу кушать этотъ борщъ“. Осѣнимъ, братцы, себя крестнымъ знаменемъ и

скажемъ: „миръ праху его“. Команда жестоко отомститъ царю и его правительству за поруганный русскій народъ. Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ братство и равенство! Долой царя!“ Подъ этой запиской подписалась команда броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ съ эпиграфомъ: „Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного“.

Положили тѣло на паровой катеръ и повезли на берегъ. На пристани поставили караулъ, для того, чтобы полиція не трогала трупа и записки.

Тутъ нахлынулъ народъ, началъ разспрашивать, въ чемъ дѣло. Матросы рассказывали, какъ все случилось, а также, что мы выступили съ оружіемъ въ рукахъ на защиту бѣднаго русскаго, еврейскаго, польскаго и иного рабочаго народа, и что мы хотимъ прогнать подлыхъ и жадныхъ вампировъ съ тѣла нашего народа и просимъ-де васъ помочь намъ: у насъ на кораблѣ мало угля и воды, а провизіи совсѣмъ нѣтъ. Услыхавъ это, народъ весь снялъ шапки, перекрестился и, какъ одинъ человѣкъ, закричалъ: „Да здравствуетъ свобода, равенство и братство!“ — „Долой царя!“ — „Долой войну!“ Многие плакали, простирали къ намъ руки и говорили: „спасите насъ, братцы, отъ кровопійцы-царя! Всю кровь у насъ высосалъ“... Многие цѣловали носилки и рыдали, какъ дѣти. Заплакали и матросы вмѣстѣ съ народомъ. Это была великолѣпная, чудная и вмѣстѣ съ тѣмъ душу потрясающая картина! Народъ выливалъ свою скорбь, злобу на царящую неправду и ненависть противъ угнетателя царя! Если бы всѣ эти слезы собрать вмѣстѣ, то хватило бы, чтобы перетопить въ нихъ всю подлую свору шакаловъ и гіенъ — царя со всѣми его палачами и блюдолизамъ. Народъ закричалъ: „угля, провизіи и воды Потемкину!“ Сейчасъ выбрали якорь съ близъ стоящаго угольщика и подбуксировали его къ броненосцу, а также подвели баржу съ водой. Рабочіе сами погрузили уголь и воду и ушли съ корабля въ гавань. Начали приходить шлюпки съ гражданами города Одессы; они везли—кто хлѣба, кто табаку и чаю. Полиція же везла большею частью произведеніе Николая II — водку. Но водка вся пошла за бортъ, никто изъ команды не хотѣлъ брать ея и вообще ни-

какихъ спиртныхъ напитковъ; команда хорошо знала, что это одла изъ уловокъ полиціи, которая разсчитывала, что матросы перепьются, и тогда она пошлетъ своихъ агентовъ и устроить на броненосцѣ рѣзню. Я помню хорошо, какъ пріѣхалъ какой то врачъ города Одессы и попросилъ показать мясо, которымъ насъ хотѣли кормить наши отцы-командиры.

Часовъ въ 12 дня прибыла депутація отъ города узнать, что намъ надо изъ провизіи. Мы потребовали: угля — 2.000 пудовъ, воды — 40 тоннъ, хлѣба — 100 п., мяса — 40 п., солонины — 300 п., сала свиного — 6 п., масла для смазки машинъ — 50 п., пакли — 10 п., табаку — 3 п., мыла — 10 п., соды — 5 п., углей для прожекторовъ какъ можно больше*), краснаго вина для машинной команды — 1 бочку, бумаги для табаку — 200 книжекъ, спичекъ — 2 ящика. Все это капитанъ порта обѣщалъ намъ доставить на корабль къ 5 часамъ вечера. Мы ему сказали: „если это не будетъ во время исполнено, то мы даемъ сроку еще три часа, а въ 7 час. вечера сдѣлаемъ 3 выстрѣла холостыхъ, они будутъ сигналомъ къ бомбардировкѣ города.“ Просили также, чтобы не препятствовали намъ послать отъ себя команду для похоронъ Вакуленчука. Капитанъ надъ портомъ далъ намъ слово, что все будетъ исполнено и ручался за безопасность тѣхъ изъ насъ, которые пойдутъ хоронить погибшаго товарища. Въ это время къ намъ пріѣхали мужчина и женщина. Мужчина рекомендовалъ себя, какъ социалист-революціонеръ. Дѣвушка предложила свои услуги больнымъ и раненымъ на кораблѣ. Мы изъявили на это наше полное согласіе и отвели ее въ лазаретъ, гдѣ она работала вмѣстѣ съ докторомъ Голенко: изслѣдовали рану въ локоть револьверной пулей одному изъ матросовъ. Пріѣхавшій мужчина вмѣстѣ съ однимъ матросомъ отправились на берегъ закупать мате-

*) Прожекторъ есть огромный электрическій фонарь, который можетъ освѣщать путь на нѣсколько верстъ и такимъ образомъ показывать кораблю и ночью, какъ днемъ, что дѣлается вокругъ, не грозитъ ли ему опасность.

ріаль для прожектора, но на корабль не вернулись, и больше мы о них не слыхали.

Черезъ нѣкоторое время послѣ этого пріѣхали еще 2 представителя — отъ соціалъдемократическаго общества, по имени „Кирилль“ и „студентъ“. Они заявили, что желаютъ сражаться противъ царя вмѣстѣ съ нами. Мы ихъ приняли съ радостью.

Но вотъ ужъ 4 часа пополудни, а провизіи нѣтъ; вотъ и 5, и 6, и 7 часовъ, а все еще ничего не везутъ намъ. Мы рѣшили бомбардировать городъ Одессу, разбить городской театръ и домъ градоначальника. Забили боевую тревогу, зарядили на фокъ-мачтѣ холостыми зарядами 37-миллиметровую пушку, а съ правой стороны 2 шестидюймовыхъ орудія — боевыми. Горнистъ заигралъ сигналъ „открыть огонь“. И вотъ раздались первые выстрѣлы — холостые.

Черезъ полчаса раздались боевые выстрѣлы, которые, какъ громъ, раскатились по городу.

Почуяла свора царскихъ лизоблюдовъ и народныхъ грабителей, что это пришла къ нимъ не толпа женщинъ и дѣтей, стариковъ, безоружныхъ рабочихъ, какъ 9 января — просить идіота-царя, чтобы онъ не отнималъ куска хлѣба изъ рта дѣтей рабочаго ради своихъ разодѣтыхъ въ золото, парчу и шелкъ куколъ, а что это пришли честные сыны народа, матросы Чернаго моря, чтобы царскою кровью смыть свой позоръ. И они когда то были одурманены царемъ и во главѣ съ нимъ шли убивать лучшихъ сыновъ русскаго народа, своихъ братьевъ по крови — рабочихъ и крестьянъ!...

Гремѣвшія пушки говорили царю: „Отдай народу землю! Отдай народу заводы! Отдай народу свой дворецъ! Сними съ своей никчемной головенки корону, она для тебя тяжела. Выпусти орла нашего двуглаваго на волю, пусть быстрѣе молніи летаетъ и пусть своимъ клювомъ по всей святорусской землѣ пожираетъ гадовъ въ мундирахъ и регаліяхъ, которые пресмыкаются передъ тобой. Испарись самъ, пока не поздно, но только поскорѣе, не то плохо тебѣ будетъ!“ Почуяли это трусы позорные города Одессы и сейчасъ же прислали намъ

часть общанной провизии, а часть хотѣли прислать на слѣдующій день.

Въ это время показалось близко военное судно „Вѣха“. На „Потемкинѣ“ былъ поднятъ сигналъ: „подойти къ кораблю“. „Вѣха“ стала близъ броненосца, и командиръ ея, полковникъ штурмановъ, облачился во всѣ свои регалии и явился къ намъ на бортъ съ рапортомъ. Сейчасъ же его арестовали, сняли погоны и регалии и посадили подъ арестъ. Затѣмъ подняли сигналъ: „командиръ просить офицеровъ“. Скоро явились и они. Съ ними поступили такъ же, какъ и съ ихъ командиромъ. На „Вѣхѣ“ взяли кассу, въ которой оказалось 1.200 р. Изъ нихъ 600 было выдано офицерамъ „Вѣхи“ на дорогу, остальные поступили въ нашу кассу. Еще какъ только мы снялись съ якоря съ Тендровскаго полуострова, то рѣшили провѣрить кассу броненосца. Въ ней оказалось 27 тысячъ рублей и пакетъ на имя Харкевича съ 4.600 рублями, составлявшими его личную собственность. Эти деньги были ему отданы, когда его свозили на берегъ въ Одессѣ. Изъ казенныхъ же конфискованныхъ денегъ дано было женѣ Голикова 1.000 р. и одному офицеру 2.000 р., остальныхъ 24.000 р. были обращены на нужды броненосца.

Часовъ въ 9 вечера послали паровой катеръ на берегъ за командой, хоронившей Вакуленчука. Изъ 12-ти явилось лишь 9, трое пропало; говорили, что по нимъ стрѣляли казаки, но убиты они или нѣтъ — неизвѣстно.

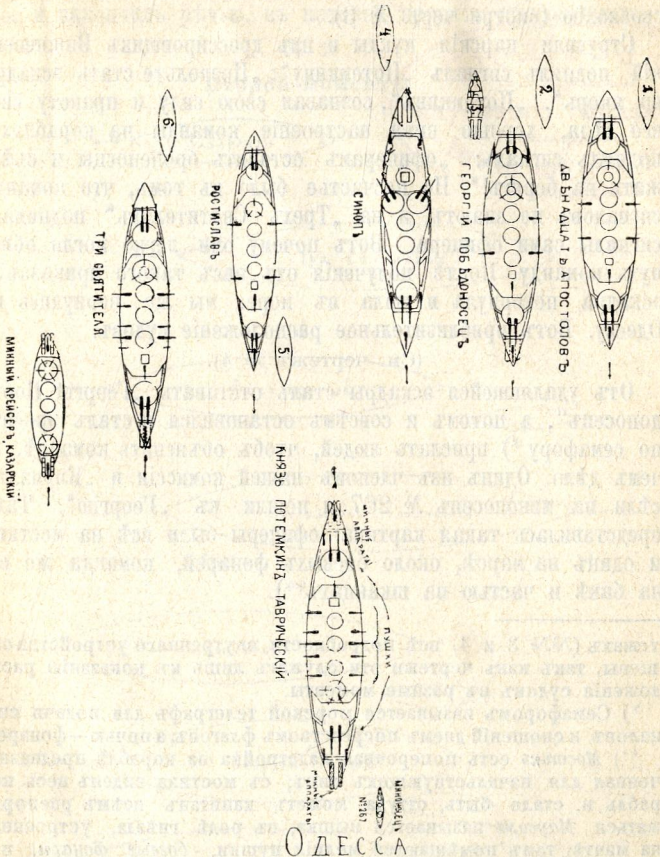
Въ установленное время барабанщики забили „на молитву“. Команда собралась вся на палубу и послѣ молитвы отданъ былъ приказъ, ложиться такъ, чтобы при первой же тревогѣ быть на своихъ боевыхъ мѣстахъ. Поздно вечеромъ 16 июня нами была перехвачена беспроволочная телеграмма такого содержанія: „Корабль *Князь Потемкинъ Таврическій* стоитъ на внѣшнемъ рейдѣ города Одессы. *Три Святителя* „*Двенадцати Апостоламъ*“. (То есть, это значило, что телеграмма эта была отослана съ корабля „*Три Святителя*“ на корабль „*Двенадцать Апостоловъ*“)

На слѣдующій день, 17-го, рано утромъ, забили боевую тревогу, развели пары, подобрали якорь и стали ожи-

дать эскадру въ боевомъ порядкѣ. Часовъ въ 7 утра она показалась на горизонтѣ въ составѣ 3 броненосцевъ:— „Три Святителя“ (флагъ контръ-адмирала Вишневецкаго) „Двѣнадцать Апостоловъ“ и „Георгій Побѣдоносецъ“ (подъ командой капитана 1-го ранга Гизевича) — одного миннаго Крейсера („Казарскій“) а также четырехъ контръ миноносцевъ. Эскадра шла полнымъ ходомъ на „Потемкина“. Мы снялись съ якора и пошли навстрѣчу эскадрѣ, которая, увидавши нашъ маневръ, начала замедлять ходъ и наконецъ совсѣмъ остановилась. Отъ Вишневецкаго получили въ это время такую телеграмму: „Черноморцы! мы удручены вашимъ поступкомъ. Безумные, покайтесь и мы васъ помилуемъ.“ На это мы ему отвѣтили такъ: „Такъ какъ вы нашъ ближайшій начальникъ, то просимъ пріѣхать къ намъ на корабль; мы гарантируемъ вамъ полную безопасность“. Пославъ свою депешу, „Потемкинъ“ сталъ приближаться къ эскадрѣ, которая вдругъ повернула въ море и стала уходить полнымъ ходомъ. Черезъ полчаса она скрылась изъ вида.

Около 12 часовъ эскадра показалась снова, но теперь уже въ составѣ пяти броненосцевъ, одного миннаго крейсера и шести контръ-миноносцевъ. На „Потемкинѣ“ опять пробили боевую тревогу, и пошли на эскадру съ заряженными пушками и минными аппаратами (смотри черт. № 2). Получили опять телеграмму: „Золотые Черноморцы! пришлите своихъ выборныхъ для переговоровъ на „Три Святителя“. Отвѣтили такъ: „мы выборныхъ не пошлемъ; если хочешь, приходи на Потемкина разговаривать“. Поровнялись мы съ эскадрой, сошлись кабельтовыхъ на три (т. е. сажень на триста). Расположеніе эскадры было какъ на чертежѣ № 2: по боевому шли только „Три Святителя“ и „Ростиславъ“. На эскадрѣ вся команда была на верху и очевидно не слушалась начальства. Когда эскадра стала на прямой линіи, (или, говоря по морскому, „по трOVERсу“) съ „Потемкинымъ“, то на нашей палубѣ загремѣло могучее „ура“. На это „ура“ отвѣтили съ трехъ кораблей такимъ же могучимъ русскимъ „ура“, но только не такимъ, которое кричатъ подъ влияніемъ чарки водки, нѣтъ! Теперь кричалъ матросъ-чело-

Первый моментъ.

Примѣчаніе. Подъ №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 обозначены на чертежѣ контръ-миноносцы эскадры.

На настоящемъ чертежѣ нарисованы со всеѣми подробностями (трубами, пушками, минными аппаратами и проч.) только большія суда, миноносецъ № 267 и одинъ контръ-миноносецъ; остальные контръ-миноносцы—такого-же устройства. На послѣдующихъ чер-

вѣкъ, матросъ-рабочій, матросъ-крестьянинъ, и кричалъ онъ отъ святой радости, сознавая что близокъ конецъ царскому своеволію (смотри черт. № 3).

Струсили царскія куклы и ихъ дрессировщикъ Вишневецкій поднялъ сигналъ „Потемкину“: „Позвольте стать эскадрѣ на якорь“. „Потемкинъ“, сознавая свою силу и правоту своего дѣла, хорошо зная настроеніе команды на корабляхъ, поднялъ сигналъ: „офицерамъ оставить броненосцы и съѣзжать на берегъ!“ Но несчастье было въ томъ, что команды сигналовъ не знаютъ, а на „Трехъ Святителяхъ“ поднимали сигналы сами офицера. Вотъ почему они легко могли обмануть команду. Послѣ полученія отъ насъ такого приказанія, эскадра повернула и ушла въ море, мы же вернулись въ Одессу. Вотъ приблизительное расположеніе судовъ.

(См. чертежъ № 4).

Отъ удалявшейся эскадры стали отставать „Георгій Побѣдоносецъ“, а потомъ и совсѣмъ остановился и сталъ просить по семафору*) прислать людей, чтобъ объяснить командѣ, въ чемъ дѣло. Одинъ изъ членовъ нашей комиссіи и „Кириллъ“ сѣли на миноносецъ № 267 и пошли къ „Георгію“. Тамъ представилась такая картина: офицеры были всѣ на мостикѣ и одинъ на марсѣ, около боевыхъ фонарей, команда же вся на бакѣ и частью на шканцахъ**).

тежахъ (№№ 3 и 4) всѣ подробности внутренняго устройства описаны, такъ какъ чертежи эти служатъ лишь къ показанію расположенія судовъ въ разные моменты.

*) Семафоромъ называется морской телеграфъ для подачи сигналовъ и сношеній днемъ посредствомъ флаговъ, а ночью—фонарей.

**) *Мостикъ* есть поперечная надстройка на кораблѣ, предназначенная для начальствующихъ лицъ; съ мостика виденъ весь корабль и, стало быть, оттуда можетъ капитанъ всѣмъ распоряжаться. *Марсомъ* называется вышка, въ родѣ гнѣзда, устроенная на мачтѣ; тамъ помѣщаются мелкія пушки, *боевые фонари*, или *прожекторы*, которыми освѣщаютъ непріятеля во время ночного боя; съ марса видно еще дальше и еще лучше, чѣмъ съ мостика. *Бакъ* есть часть передняго пространства корабля, отведенная для матросовъ; тамъ они могутъ курить, сходиться для общаго разговора и т. п. *Шканцы* есть самая священная часть корабля; она примыкаетъ къ юту и находится между второй и третьей мачтой.

„Въ чемъ дѣло братцы?“ Спрашиваетъ команда. Тутъ выступилъ впередъ членъ нашей комиссіи, разсказалъ, въ чемъ дѣло, и закончилъ рѣчью, въ которой просилъ присоединить-

№ 3.

Второй моментъ.

← Казарскій

← Три Святителя

← Ростиславъ

Потемкинъ Таврическій →

Муръ

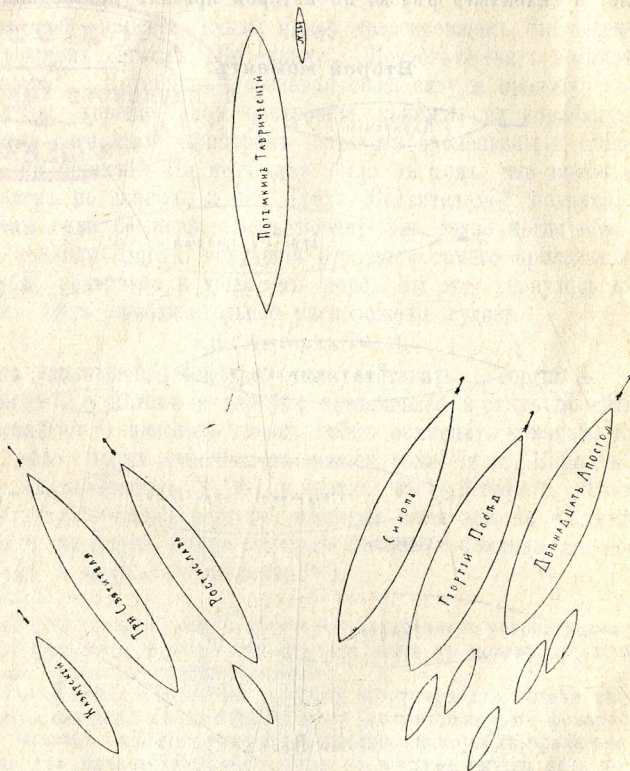
← Синоплъ

← Георгии Побѣдъ

← Двадцать Апостолъ

Примѣч. Портъ (Одесса) находится съ лѣвой стороны чертежа.

Третій моментъ.

Одесса.

ся къ „Потемкину“. Команда подняла говорившаго на „ура“ и приказала арестовать офицеровъ. Товарищъ „Кириллъ“ тоже обратился къ командѣ и офицерамъ съ горячей рѣчью, по окончаніи которой команда закричала: „Свободу, равенство русскому народу!“ Не успѣло замереть могучее эхо, какъ раздался выстрѣлъ и тѣло застрѣливагося миннаго

офицера Григоркова полетѣло въ море съ марса. Арестованныхъ офицеровъ посадили на баркасъ подъ карауломъ и повезли на берегъ. Бывшій на „Георгіи“ членъ нашей комисіи заявилъ громогласно, что общимъ приговоромъ, соціаль-революціоннымъ и соціаль-демократическимъ, офицеры „Побѣдоносца“ приговорены къ смерти; но видя ихъ ничтожество, подлость и низость, соціалисты-революціонеры и соціаль-демократы не желаютъ марать рукъ въ ихъ крови, а потому даруется имъ, мизернымъ душамъ, свобода, но только ихъ разжалуютъ. Затѣмъ, обратившись къ самимъ офицерамъ, матросъ М. сказалъ: „Господа, снимите погоны!“ Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ командиръ Гузевичъ первый поснѣшилъ исполнить приказаніе, а за нимъ и всѣ офицеры. Всѣхъ ихъ, цѣлыми и невредимыми, доставили на берегъ. На берегу же имѣла мѣсто еще одна картина героизма царскихъ офицеровъ. Когда ихъ высадили, они полѣзли вверхъ, такъ какъ берегъ тутъ крутой, сажени двѣ или три вышины. Солдаты пограничной стражи думали, что это матросы карабкаются на берегъ, взяли ружья на перевѣсъ и побѣжали на офицеровъ. Бѣдныя же питомцы гнѣзда Николая II, увидавъ солдатъ, стали кубаремъ катиться обратно въ воду и пришлось эту сволочь вылавливать, а то бы навѣрное всѣ перетонули. Насмотрѣлись мы за это время храбрости господъ офицеровъ болѣе чѣмъ достаточно!

Отъ этихъ храбрецовъ мы такимъ образомъ избавились; но мы сдѣлали большую ошибку, что не отослали на берегъ вмѣстѣ съ ними также боцмановъ и кондукторовъ. Эти продажныя, выслужившіяся души сперва притворились свободолюбцами, а какъ только имъ повѣрили, то начали потихоньку смущать матросовъ и вообще портить дѣло, какъ сейчасъ будетъ видно.

Миноносецъ № 267 взялъ нашъ баркасъ на буксиръ и отвелъ къ „Потемкину“ и „Георгію“, которые шли на Одесскій рейдъ. Въ Одессѣ сейчасъ же пріѣхалъ на катерѣ командиръ порта и спросилъ, что намъ надо? Ему отвѣчали: „Отъ васъ ничего не хотимъ; но пусть намъ завтра самъ народъ дастъ угля; а вы скажите командующему войсками, пусть онъ превратитъ армію въ національную гвардію и пусть

въ городѣ будетъ народное правленіе“. Съ тѣмъ командиръ порта и уѣхалъ отъ насъ. Команда отпѣла молитву, забрала койки, разрядила пушки и легла спать; только минеры освѣщали всю ночь море вокругъ броненосца.

Утромъ 17-го іюня разбудили команду въ 6 часовъ. Помылись, позавтракали, скатили палубу. Опасность ни откуда не грозила и, въ ожиданіи угля, всѣми овладѣло праздничное настроеніе; стали играть—кто къ домино, кто въ шашки; иной взялся за гармонику, иной за скрипку, другіе стали танцевать и веселиться, какъ это бываетъ всегда въ свободное время. Часовъ въ 8 пришелъ пароходъ — угольщикъ „Петръ Тигель“. Съ него начали грузить уголь и такъ грузили, что, смѣло могу сказать, я никогда за 5 лѣтъ своей службы, не видѣлъ такой быстрой и дружной погрузки.

Дѣло шло хорошо. Но вотъ пріѣзжаетъ съ „Георгія“ часть ихъ комиссіи и сообщаетъ, что кондуктора и боцмана команды бунтуютъ и хотятъ идти въ Севастополь. Мы послали туда часть своей комиссіи, механика Коваленко и товарища „Кирилла“. Наши товарищи доказывали командѣ „Георгія“, что въ Севастополѣ ждетъ ихъ лишь висѣлица и Сибирь. Послѣ ихъ рѣчей подняли шумъ. Половина команды кричить „Къ Потемкину!“ другая часть — „Въ Севастополь!“ Мы потребовали сигналомъ къ себѣ на „Потемкина“ командира „Георгія“ — старшаго боцмана, но онъ не хотѣлъ ѣхать къ намъ. Прибыла вмѣсто него комиссія и объяснила положеніе дѣла на „Георгіѣ“. Докторъ Голенко изъявилъ желаніе поѣхать уговорить команду. Дали ему паровой катеръ и онъ отправился съ частью нашихъ товарищей. Скоро наши товарищи вернулись съ однимъ изъ матросовъ „Георгія“. Они привезли печальную вѣсть: докторъ Голенко намъ измѣнилъ; онъ сталъ уговаривать команду идти въ Севастополь, и увѣрялъ матросовъ, что начальство ихъ проститъ. Слова эти подѣйствовали на команду „Георгія“, которой еще до того кондуктора дули въ уши всякій вздоръ, такъ что многихъ смутили; — половина команды открыто перешла на сторону измѣнника доктора, который послѣ этого приказалъ выбирать якорь и готовить машину. Мы тоже приготовились

къ съемкѣ съ якоря съ такимъ расчетомъ, чтобы дать отойти „Георгію“ мили на 4, а потомъ настигнуть его, перевязать всѣхъ кондукторовъ и боцмановъ и часть его команды перевести на „Потемкина“, часть же нашей посадить вмѣсто того на „Побѣдоносца“.

„Георгій“ снялся съ якоря и пошелъ полнымъ ходомъ на Севастополь, мы тоже снялись и отправились за нимъ. Но вотъ онъ круто поворачиваетъ обратно въ Одессу и проходитъ во внутренній портъ; съ разбѣгу онъ даже зарылся носомъ въ песокъ.

Нашъ миноносецъ былъ посланъ узнать, въ чемъ дѣло. На „Побѣдоносцѣ“ еще оставалось нѣсколько человекъ нашей депутаціи. Подходя къ „Георгію“, миноносецъ встрѣтилъ ихъ на георгіевскихъ шлюпкахъ: они ѣхали къ намъ. „Докторъ и боцманъ“, кричали они, — „обманщики! Теперь георгіевцевъ, хоть и не всѣхъ, а все же повѣсятъ!... Боцману дадутъ медаль, доктору нашьютъ широкіе погоны, а нашихъ, братцы, вѣшать будутъ!...“

Хуже этой новости нельзя было и придумать! Но ничего нельзя было сдѣлать, чтобы не допустить совершиться страшному и позорному дѣлу. Георгій уже отдался въ руки властей. Всѣ слабые, всѣ неуверенные, всѣ робкіе уже перешли на сторону ищущихъ помилованія, а стойкіе, сознательные друзья народа остались въ меньшинствѣ. Самъ сдавшійся броненосецъ могъ теперь сдѣлаться боевымъ орудіемъ противъ насъ; на берегу войска было много... Мы видѣли, какъ къ „Георгію“ шли съ берега со всѣхъ сторонъ правительственные катера...

На самомъ „Потемкинѣ“ привезенныя новости произвели нѣкоторое замѣшательство: бодрость значительной части команды поддерживалась, главнымъ образомъ, надеждой на то, что вся эскадра пристанетъ къ намъ; теперь эти люди упали духомъ. Тѣ, которые были тверды попрежнему, понимали, что теперь ни угля, ни воды, ни припасовъ въ Одессѣ не получить, или это стоило бы слишкомъ многихъ жертвъ людьми. Поднялись среди команды крики. Одни кричали: „Идемъ на Кавказъ!“ Другіе — „Пошлемъ посылку „Геор-

гію!“ (посылкой называется пушечный зарядъ въ 23 пуда)... Но благоразуміе взяло верхъ надъ злобой: вѣдь корабли „Потемкинъ“ и „Георгій“ составляютъ народную собственность и скоро будутъ въ рукахъ русскаго народа; поэтому мы не хотѣли ихъ портить. Посовѣтовавшись хорошенько, мы рѣшили, что лучше всего намъ идти за углемъ, водой и провизіей въ нейтральную страну, именно въ Румынію. Такъ и сдѣлали: пошли въ портъ румынскій — Констанцу. Дорогой все было благополучно.

Двадцатаго числа іюня мы пришли въ Констанцу, отдали салютъ *) городу, какъ полагается — 31 выстрѣлъ. Къ намъ подошелъ паровой катеръ съ 2 офицерами румынскаго флота. Вызвали караулъ на верхъ, команда на шканцахъ выстроилась во фронтъ. Къ намъ вошли по трапу оба офицера, отъ насъ вышелъ къ нимъ нашъ представитель — поручикъ Коваленко. Офицеры поздоровались и затѣмъ пошли въ каютъ-кампанію.

Мы просили румынъ разрѣшить намъ запасти провизіей, углемъ и водой. Намъ обѣщали исполнить нашу просьбу, но только на другой день. Когда командиръ румынскаго порта насъ отсалютовалъ, мы ему, въ свою очередь, отвѣтили 13 выстрѣлами. Затѣмъ подъѣхалъ къ намъ, къ правому трапу, и командиръ русскаго стаціонера **) капитанъ 2-го ранга (фамилія неизвѣстна). Онъ, несчастный, думалъ, что его встрѣтятъ на кораблѣ, какъ водится на царскихъ судахъ, горячими рукопожатіями и хорошей пирушкой. Каково же было его удивленіе, когда къ нему вышелъ товарищъ Коваленко и, не подавая руки, спросилъ, что ему тутъ нужно?

— „Я с-съ ра-ра-пор-пор-томъ“, пролепеталъ командиръ.

— „Вы ошиблись, капитанъ“, отвѣчалъ Коваленко, — „это корабль не русскаго правительства; онъ открыто пере-

*) Салютомъ называется военное привѣтствіе, обыкновенно дѣлаемое посредствомъ положеннаго числа холостыхъ выстрѣловъ.

**) *Стаціонеромъ* называется военное судно, назначенное для постоянного пребыванія въ извѣстныхъ водахъ иностраннаго государства.

шелъ на сторону народа; да вамъ должно быть изъ румынскихъ газетъ извѣстенъ образъ дѣйствій „Потемкина“, такъ что можете мнѣ не рапортовать, и можете уходить“.

— „Я неграмотный, т. е. не умѣю ни писать, ни читать по румынски“, уже плача заявилъ капитанъ.

Большое ему спасибо за все это увеселительное представление: присутствовавшая при этомъ команда чуть не умерла отъ смѣха; ей еще разъ напомнили, какіе дураки офицеры надъ нею командуютъ при царскомъ правительствѣ и еще разъ порадовалась она, что избавилась отъ такихъ командировъ; матросы замѣтно ободрились.

Намъ нужно было поѣхать къ начальнику порта взять разрѣшеніе освѣщать прожекторами море, стоя въ гавани.

Было сильное волненіе. Пришлось капитана взять на буксиръ и отвести въ портъ (по уставу не полагается вести офицера матросу и считается оскорбленіемъ офицера).

На румынскомъ военномъ крейсерѣ „Елизавета“ насъ радушно приняли, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали одно очень странное предложеніе, а именно, чтобы мы продали „Потемкина“ — хоть въ частныя руки, „хоть намъ“ — а сами бы шли къ нимъ, румынамъ, жить. Такое предложеніе показалось мнѣ прямо оскорбительнымъ.

За кого они насъ считаютъ, подумалъ я, что предлагаютъ продать другой державѣ народную собственность и думаютъ прельстить безопасностью?... Поэтому я черезъ переводчика отвѣтилъ: „Мы пришли сюда не шкуру свою спасать, ей цѣна 3 копѣйки въ базарный день! Что же до продажи броненосца, то скажите сперва, за сколько вы продадите намъ, вашу *Елисавету*?“... На это мнѣ конечно ничего не отвѣтили, и тѣмъ дѣло кончилось. Освѣщать море боевыми фонарями намъ съ удовольствіемъ разрѣшили, и мы отправились обратно.

Утромъ 21-го іюня мы послали катеръ за провизіей, но намъ въ ней отказали; мы объяснили, что намъ уже во время перехода отъ Россіи до Румынскихъ береговъ пришлось питаться одними лишь сухарями съ водой, но ничто не помогло. Тогда рѣшили идти въ Феодосію и тамъ получить не-

обходимое. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхало къ намъ нѣсколько румынскихъ офицеровъ уговаривать сойти съ корабля; они обѣщали дать намъ заграничные паспорта, а также желающимъ право жить въ Румыніи. Но мы знали, какія надежды на насъ возлагаетъ русскій народъ и положили лучше умереть съ голоду, чѣмъ бросить такую крѣпость, какъ „Потемкинъ“, пока сможемъ удержать ее въ своихъ рукахъ. Мы снялись съ якоря и пошли въ Теодосію. Эскадры дорогой не встрѣтили. Встрѣчено было 2 турецкихъ угольщика, но потемкинцы обѣщались не трогать иностранныхъ судовъ. Заявленіе въ этомъ смыслѣ было передано иностраннымъ консуламъ въ Констанцѣ черезъ румынскихъ властей — надо было держать разъ данное слово.

Въ Теодосію прибыли 22-го, часа въ 4 или 5 утра. Чтобы не пугать жителей своимъ приходомъ, мы украсили корабль флагами — Андреевскимъ, краснымъ революціоннымъ и другими. На катерѣ съѣхали на берегъ, пошли въ городскую управу, къ городскимъ властямъ съ просьбой явиться на броненосецъ, а также передали имъ воззваніе къ гражданамъ всѣхъ странъ и протоколъ случившагося на „Потемкинѣ“ для сообщенія жителямъ въ засѣданіи думы. Вскорѣ къ намъ пріѣхало 4 человекъ представителей отъ города, въ числѣ которыхъ были городской голова и докторъ. Они освѣдомились, что намъ нужно, и получили въ отвѣтъ, что у насъ нѣтъ угля, провизіи и воды и мы просимъ жителей города, если возможно, дать намъ недостающее. Съ своей стороны мы даемъ торжественное обѣщаніе въ полной безопасности города. Представители просили записать все, что нужно, на бумагѣ и обѣщали доставить все, что будетъ возможно.

Мы дали такой списокъ: угля 30,000 п. (Теодосійцы его не дали), воды 40 тоннъ (не дали), мяса 40 пуд. (дали), быковъ 8 (дали 4), масла для машины 50 пуд. (дали), пакли 10 пуд. (дали), соды 5 пуд. (не дали), вина для команды 1 боч. (дали), табаку 3 пуд. (дали), бумаги 100 кв. (не дали), спичекъ 1 ящ. (дали), хлѣба 100 пуд. (дали), муки 200 пуд. (дали). Для больныхъ—яиць 1000 штукъ, куръ, утокъ и молока возможно больше, макаронъ 10 ящ., красна-

го вина 1 бочку и лѣкарствъ (все это намъ дали). Взявши списокъ, представители уѣхали и къ вечеру мы получили припасы, какъ указано выше. Насчетъ угля намъ сказали, что комендантъ не даетъ, а вотъ прїѣдетъ въ 11 часовъ губернаторъ, тогда посмотримъ, что будетъ.

На другой день, двадцать третьяго, утромъ я сѣлъ на паровой катеръ и поѣхалъ узнать, нѣтъ ли въ порту гдѣ либо угля. На берегу сказали, что есть въ баркасахъ антрацитъ 15 тысячъ пудъ. Вернувшись назадъ, рѣшили вооружить миноносецъ, посадить караулъ на катеръ и взять баркасъ съ углемъ. Прїйдя къ одному изъ баркасовъ, мы взошли на него и начали выбирать якорь, предварительно спросивъ у хозяина цѣну угля. Онъ сказалъ: „дарю вамъ уголь съ условіемъ, чтобы баркасъ былъ цѣлъ“. Якорь былъ совсѣмъ ужъ выбранъ и мы хотѣли уже взять баркасъ на буксиръ, какъ вдругъ раздался откуда то ружейный залпъ и возлѣ меня упало 2 товарища-матроса: минеръ Циркуновъ и Иванъ Козленокъ. Циркунову разmozжило голову, а Козленку пуля попала въ животъ. Этотъ предательскій залпъ напугалъ команду миноносца и онъ пошелъ полнымъ ходомъ къ кораблю, въ катеръ же вся прислуга легла на дно. Одна изъ пуль сломала регуляторъ и катеръ пошелъ было полнымъ ходомъ прямо на берегъ, откуда трещали предательскіе выстрѣлы. Видя, что всѣ отъ неожиданности потеряли голову и никто ничего не понимаетъ, и не имѣя возможности заставить товарищей дѣйствовать, или по крайней мѣрѣ подобрать убитыхъ, оставшихся на баркасѣ, я рѣшилъ спасти хоть катеръ съ оставшейся на немъ командой. Взявшись за штурвалъ, *) я повелъ катеръ къ броненосцу.

Всю дорогу — версты полторы — пули осыпали катеръ, даже пробили на немъ дымовую трубу; раза 3 пули надвигали мнѣ фуражку на лобъ, такъ низко пролетали онѣ надъ нами; но все же катеръ былъ спасенъ. Когда мы вышли за

*) *Штурвалъ* есть колесо на суднѣ, посредствомъ котораго управлять рулемъ, стало быть — и всѣмъ судномъ.

волнорѣзъ, *) раненый Козленокъ простоналъ: „Что теперь будетъ? Я умру?“ — „Ничего, дорогой Ваня, будешь живъ, еще женишься“... утѣшали мы его и, слава богу, не напрасно: онъ теперь лежитъ въ Констанцѣ въ госпиталѣ и есть надежда на его выздоровленіе. Въ Θεодосіи-же, отъ тѣхъ же предательскихъ выстрѣловъ, погибъ, такъ называемый, „студентъ“ (кажется, его фамилія была Ивановъ); онъ сѣлъ на бременосецъ въ Одессѣ.

Когда мы вновь подошли къ „Потемкину“, и команда корабля увидѣла убитаго Циркунова на днѣ катера, въ лужѣ крови, съ ружьемъ въ рукахъ и съ разбитой головой, а Козленка — лежащимъ внизъ лицомъ съ сочащейся раной, то всѣми овладѣло крайнее негодованіе, и матросы стали кричать, что нужно разнести Θεодосію; командоры даже побѣжали уже къ пушкамъ. Но и тутъ благоразуміе и нежеланіе причинить вредъ невиннымъ взяли верхъ надъ естественнымъ гнѣвомъ. Мы разсудили, что наказать офицеровъ, которые всему кровопролитію причиной, трудно, потому что они сидятъ за спиной у солдата, а солдата бить безъ крайней надобности, — то есть когда это не неизбѣжно для добыванія свободы, — не слѣдуетъ, потому что онъ не нынче-завтра пойметъ, что убивать рабочаго, или матроса, возставшаго за правду — значитъ убивать своего же брата и скрѣплять собственные кандалы.

И вотъ опять всталъ передъ нами вопросъ: что теперь дѣлать?

Собрали команду и спросили ее: что дѣлать? идти ли въ Севастополь и сдаться правительству?— „Нѣтъ!“ закричали всѣ въ одинъ голосъ, „лучше смерть гдѣ либо, чѣмъ отдаться опять въ руки русскаго правительства!“

Но у насъ не было воды для питанія котловъ и для питья команды, не было угля, машина растрепалась, машинная команда едва двигала ногами: вѣдь мы были цѣлыхъ десять

*) Волнорѣзомъ называется особая постройка въ водѣ, вродѣ стѣны, въ гавани, чтобы объ нее разбивались волны и не вредили судамъ въ порту.

дней непрерывно подъ парами; десять дней топили безъ перерыва шестнадцать котловъ! — десять дней были машинисты, кочегары и прочая машинная прислуга въ адской жарѣ и безпрестанной работѣ! Безъ угля, безъ воды, съ измученной командой и распатанной машиной—и боевая способность нашего броненосца была уже не та, что прежде... Все это вмѣстѣ и заставило насъ рѣшиться ѣхать въ Румынію и тамъ сдаться.

Иной другъ народа и борецъ за свободу, равенство и братство, можетъ быть, упрекнетъ насъ: „Жалкіе трусы! Какую громадную и сильную крѣпость отдали вы“, скажетъ онъ. Да, это правда, это истинная правда, вспомнивъ которую не одинъ разъ еще сердце обольется кровью! Да, мы сдали въ чужія руки превосходный броненосецъ, который могъ бы, при лучшихъ обстоятельствахъ, сослужить большую службу, поддержавъ съ моря народное возстаніе на сушѣ. Но развѣ есть въ томъ наша вина? Винить насъ въ этомъ было бы такъ-же несправедливо, какъ если бы мы обратились къ другу народа и борцу за свободу съ такими словами: „Почему ты спалъ, когда мы 11 дней бороздили воды Чернаго моря? тебѣ хорошо было извѣстно, что соленой воды пить нельзя и воды въ уголь превратить тоже невозможно. Отчего же ты не доставилъ намъ всего этого?...“

Во всемъ виноваты были неожиданныя обстоятельства. Если бы не неожиданное происшествіе съ „Георгіемъ“, то мы бы получили въ Одессѣ все нужное и добились бы даже раздачи казеннаго оружія населенію. Мы приняли бы на броненосецъ надежныхъ рабочихъ, обучили бы ихъ обращенію съ оружіемъ и довели бы до конца дѣло освобожденія Россіи отъ деспота-царя и всей сосудей народъ стаи помѣщиковъ, фабрикантовъ и капиталистовъ. Но появленіе „Георгія“, его переходъ на нашу сторону, давшій намъ столько новыхъ надеждъ, а потомъ его измѣна — перевернули всѣ наши планы. Мы скитались по волнамъ Чернаго моря, каждую минуту подъ страхомъ измѣны, намъ грозила голодная смерть и царская висѣлица. Думаешь — вотъ пойдемъ туда то и тамъ получимъ все необходимое; на дѣлѣ же выходило

совѣтъ другое: приходилось терять лучшихъ товарищей и не получать ничего. Мы рѣшили пойти и сдаться румынамъ, братьямъ своимъ по вѣрѣ и отчасти по крови.

Въ морѣ похоронили мы свой и всего русскаго народа боевой *красный флаг* — флагъ свободы, равенства и братства, чтобъ онъ не достался въ чужія руки. Черное море было свидѣтелемъ, нашихъ слезъ и горя, когда бросили его за бортъ! Какъ было тяжело смотрѣть, когда онъ то опускался, то подымался на гребняхъ волнъ, какъ будто приглашая всѣхъ матросовъ продолжать борьбу!...

Въ Констанцу мы приѣхали 24 іюня, часовъ въ 11 ночи. Съ берега намъ что то кричали и мы отправили „шестерку“ съ депутатами для переговоровъ о сдачѣ. Румынскій генераль спросилъ, что намъ надо? Мы его, въ свою очередь, спросили, были ли здѣсь „Синопъ“ и „Екатерина?“ Онъ отвѣтилъ, что нѣтъ. Генераль заявилъ, что если мы хотимъ сдаться, то слѣдуетъ прислать комиссію, а онъ отъ имени румынскаго народа даетъ намъ честное слово въ полнѣйшей безопасности команды въ предѣлахъ Румыніи и ручается за полную свободу всего экипажа. Депутаты вернулись ночью, когда команда уже спала. На слѣдующій день наша депутація передала экипажу слова генерала. Команда закричала: „Сдадимся лучше румынамъ, чѣмъ русскому правительству!“

Къ намъ въ это время шель паровой катеръ, а съ другой стороны шлюпка съ господиномъ, у котораго былъ красный цвѣтокъ въ петлицѣ. Онъ просилъ разрѣшенія взойти на бортъ, что ему и было разрѣшено.

Себя онъ отрекомендовалъ социаль-демократомъ а на поданой карточкѣ значилось: „Докторъ Раковскій“. Мы стали съ нимъ совѣтоваться, на что онъ отвѣчалъ, что сказать опредѣленно, что намъ слѣдуетъ дѣлать — онъ не можетъ; но готовъ обсудить сообща положеніе. Онъ спросилъ, сколько у насъ имѣется угля и, узнавъ что его тысячи три пудъ, освѣдомился, можемъ ли мы продержаться съ этимъ количествомъ дня три? Мы ему отвѣтили, что нѣтъ: намъ необходимо имѣть корабль въ полной боевой готовности, для чего

нужно держать 16 котловъ подъ парами, а на это угля не хватить. Тутъ раздался голосъ кондуктора Бурдюкова, одного изъ тѣхъ, что спали и видѣли, какъ бы снова передать „Потемкина“ царскому правительству: „какіе могутъ быть секреты? этимъ только команду мутятъ! Сдаваться, такъ сдаваться“... Я долженъ былъ крикнуть на него: „Не твое дѣло, подлецъ!“ Раковскій, видя невозможность, что либо сдѣлать, чтобы удержать броненосецъ въ нашихъ рукахъ, пересталъ даже говорить объ этомъ. Мы спросили его, можно ли довѣриться румынскимъ властямъ? Онъ отвѣтилъ, что можно вполнѣ и что мы сами можемъ вести всѣ необходимые переговоры съ властями. Команда отправилась обѣдать. Нашлись однако и такіе матросы, что пошли въ офицерскія каюты и начали брать офицерскія вещи — все, что попадало имъ въ руки; больше разные платочки, подушки и т. п. Прискорбно сообщать это про свою команду, но помѣшать мы были не въ силахъ; при томъ же не надо забывать, что во всякой семьѣ не безъ уроды, — тѣмъ болѣе среди насъ, такъ какъ на „Потемкинѣ“ осталось не мало матросовъ, которые вовсе не были революціонерами, вовсе не понимали, что за „свобода, равенство и братство“, а правомъ были такіе, какими ихъ сдѣлала царская служба и казнокрады-офицеры.

Послѣ обѣда начали свозить команду на берегъ. Жители Констанцы насъ очень радушно приняли, за что мы имъ очень благодарны и признательны. Въ 3 или 4 часа пополудни 2-го іюня 1905 года, былъ спущенъ на корабль синій андреевскій флагъ, которымъ царь и его подлые совѣтники прикрывались долгіе годы и взвился трехцвѣтный флагъ румынскаго народа, подъ которымъ живетъ свободнѣе.

Итакъ мы покинули нашу сильную, гордую плавучую крѣпость, нашего „Потемкина“, ставшаго борцомъ за свободу и справедливость, который, бороздя 11 дней волны Чернаго моря, нагонялъ страхъ и трепетъ на подлаго царя и его правительство! Оставили мы его цѣлымъ и невредимымъ, но только онъ уже былъ безъ души. Какъ уже ранѣе было объяснено, въ кассѣ броненосца было 24,000 рублей; коми-

ссія передала эти деньги румынскимъ властямъ, которыя и роздали изъ нихъ командѣ по 82 франка на брата.

Относительно пожара въ Одессѣ писать подробно не буду; скажу только, что команда почти вся говорила, что это сдѣлано полиціей и очень сожалѣла о случившемся, такъ какъ все уничтоженное имущество стало бы скоро народнымъ достояніемъ. Были примѣры, достовѣрно извѣстные, что полиція, сама поджигая, говорила, будто это сдѣлали „жида“ или „армяшки“ или „полячишки“; а устраивала она это для того, чтобы разжечь вражду между народомъ русскимъ съ одной стороны и еврейскимъ, польскимъ, армянскимъ или грузинскимъ съ другой, — чтобы возбудить ненависть между русскими войсками и рабочимъ классомъ Польши, Литвы, Кавказа, или Финляндіи. Но я глубоко вѣрю, что теперь уже нашимъ грабителямъ не удастся насъ обмануть, такъ какъ мы знаемъ, откуда льется этотъ источникъ лжи, порока и обмана, и будемъ его забрасывать всѣмъ, чѣмъ можемъ, пока не прекратимъ его теченіе и не расширимъ путь для иного источника: источника свободы, равенства и братства! Будемъ туда бросать и слова правды, и бомбы! Если этого будетъ мало — бросимся туда сами и общимъ усиліемъ заставимъ потокъ русской жизни течь не туда, куда его направляетъ свора грабителей, а туда, куда захочетъ его направить весь честный, трудящейся русскій вародъ!

Минно-Машинный квартирмейстеръ первой статьи броненосца „Князь Потемкинъ-Таврическій“

Афанасій Матющенко.

Заявленія команды „Потемкина“.

I.

Прокламація матросовъ, распространенная ими въ Одесскомъ порту.

Отъ Комитета броненосца «Кн. Петемкинъ-Таврическій.» Просимъ немедленно всѣхъ казаковъ и армію положить оружіе и соединиться всѣмъ подъ одну крышу на борьбу за свободу. Пришелъ послѣдній

часть нашего страданія! Долой самодержавіе! У насъ уже свобода, мы дѣйствуемъ уже самостоятельно, безъ начальства. Начальство истреблено. Если будетъ сопротивленіе противъ насъ, просимъ мирныхъ жителей выбраться изъ города. По сопротивленіи городъ будетъ разрушенъ....

II.

Его Высокопревосходительству Французскому
Консулу въ Одессѣ. *Отъ броненосца «Князь
Потемкинъ Таврическій».*

Почтеннѣйшая публика г. Одессы. Командой броненосца «Князь Потемкинъ Таврическій» сегодня, 15-го іюня, было съ корабля свезено мертвое тѣло, которое и было передано въ распоряженіе рабочей партіи для преданія землѣ по обычному обряду. Послѣ чего, пройдя нѣсколько времени, была прислана этими рабочими на корабль шлюпка, что и заявила: стражу, стоящую у мертваго тѣла, казаки разогнали. Тѣло оставлено безъ надзора. Команда броненосца проситъ публику г. Одессы: 1. не дѣлать препятствія въ погребеніи матроса съ корабля; 2. учредить общее со стороны публики наблюденіе за правилами; 3. требовать отъ полиціи, а также и казаковъ, прекратить свои напрасные набѣги, почему это все бесполезно; 4. не противодѣйствовать доставленію необходимыхъ продуктовъ для команды броненосца рабочей партіей; 5. команда проситъ публику города Одессы о выполненіи всѣхъ перечисленныхъ выше требованій. Въ случаѣ, если во всемъ этомъ будетъ отказано, то команда должна будетъ прибѣгнуть къ слѣдующимъ мѣрамъ: будетъ произведена по городу орудійная стрѣльба изъ всѣхъ орудій. Почему команда предупреждаетъ публику и, въ случаѣ возникновенія стрѣльбы, проситъ удалиться изъ города тѣхъ, которые не желаютъ участвовать въ противодѣйствіи. Кромѣ того, намъ ожидается помощь изъ Севастополя для этой цѣли — нѣсколько броненосцевъ, и тогда будетъ хуже.

III.

Ко всему образованному міру.

(Это заявленіе вручено румынскимъ властямъ.)

Граждане всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ! Передъ вашими глазами происходитъ грандіозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и поработенный русскій народъ не вынесъ вѣкового гнета и своеволія деспотическаго самодержавія.

Раззореніе, нищета и безправіе, до котораго русское правительство довело многострадальную Россію, переполнили чашу терпѣнія трудящихся массъ. По всѣмъ городамъ и селамъ вспыхнулъ уже пожаръ народного возмущенія и негодованія. Могучій крикъ многомилліонной русской груди—долой рабскія цѣпи деспотизма и да здравствуетъ свобода! — какъ громъ раскатился по всей необъятной Россіи.

Но царское правительство рѣшило, что лучше утопить страну въ народной крови, чѣмъ дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженныхъ борцовъ полилась цѣлыми потоками по всей родинѣ.

Однако, обезумѣвшее самодержавіе забыло одно, что темная и забитая армія — это сильное орудіе его кровавыхъ замысловъ — есть тотъ же самый народъ, есть тѣ же самые сыны трудящихся массъ, которые рѣшили добиваться свободы. И армія рано или поздно пойметъ это и сброситъ, наконецъ, съ себя позорное пятно палачей своихъ же отцовъ и братьевъ. И вотъ мы, команда эскадреннаго броненосца «Князь Потемкинъ Таврическій», рѣшительно и единодушно дѣлаемъ этотъ первый великій шагъ. Пусть всѣ тѣ братскія жертвы рабочихъ и крестьянъ, которыя пали отъ солдатскихъ пуль и штыковъ на улицахъ и поляхъ нашей родины, снимутъ съ насъ свое проклятіе, какъ съ ихъ убійцъ.

Нѣтъ, мы не убійцы, мы не палачи своего народа, а защитники его. И нашъ общій девизъ—смерть или свобода для всего русскаго народа! Мы требуемъ непремѣнной пріостановки безсмысленнаго кровопролитія на поляхъ далекой Манчуріи. Мы требуемъ не-

премѣннаго созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. За эти требованія мы единодушно готовы, вмѣстѣ съ нашимъ броненосцемъ, пасть въ бою или выиграть побѣду.

Мы глубоко увѣрены, что честные и трудящіеся граждане всѣхъ странъ и народовъ откликнутся горячимъ сочувствіемъ нашей великой борьбѣ за свободу.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!

Команда эскадр. броненосца «Князь Потемкинъ Таврическій» и миноносца № 267.

(Печать броненосца.)

IV.

Ко всѣмъ европейскимъ державамъ.

(Вручено румынскимъ властямъ.)

Команда эскадреннаго броненосца «Князь Потемкинъ Таврическій» начала рѣшительную борьбу противъ самодержавія. Оповѣщая объ этомъ всѣ европейскія правительства, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что мы гарантируемъ полную неприкосновенность всѣмъ иностраннымъ судамъ, плывущимъ по Черному морю и всѣмъ иностраннымъ портамъ здѣсь находящимся.

Команда эскадр. броненосца «Князь Потемкинъ Таврическій».

Приказъ адмирала Чухнина.

До чего начальство трусило, узнавъ о возмущеніи на «Потемкинѣ», за которымъ послѣдовало еще возмущеніе на кораблѣ «Прутъ»,—видно изъ слѣдующаго приказа начальника Черноморскаго флота, адмирала Чухнина, даннаго имъ *по телеграфу*. Телеграмма эта была, конечно, секретная, но доставлена намъ друзьями нашей партіи.

«Подана 19 іюня въ 12 ч. 45 м. н. № 92, срочная. Севастополь. Начальнику Штаба Флота, Коменданту крѣпости. Ввиду присоединенія къ «Потемкину» еще

судовъ, предлагаю принять къ исполненію слѣдующія мѣры: 1) крѣпость должна быть готова немедленно какъ днемъ, такъ и ночью открыть огонь; 2) выслать миноносцы въ море, которые должны встрѣчать миль за 5 суда, останавливать ихъ и, убѣдившись, что суда управляются своими командирами, принадлежатъ правительству, сообщать о томъ условнымъ сигналомъ крѣпости, сигналъ этотъ должны знать только командиры миноносцевъ и крѣпость; 3) вторично пропущенныя суда снова за 2 мили останавливать и убѣждаться при помощи паровыхъ судовъ, что на нихъ нѣтъ бунтовщиковъ; 4) если суда, находящіяся теперь въ морѣ и по всѣмъ вѣроятіямъ направляющіяся въ Севастополь, окажутся въ рукахъ бунтовщиковъ, то миноносцы сообщаютъ крѣпости о томъ условнымъ сигналомъ, и со всѣхъ батарей должны открыть огонь по нимъ, не допуская входить на рейдъ; 5) инкерманскіе створные огни погасить и ночью никакихъ судовъ не пропускать на рейдъ.

Чухнинъ.»

Похороны Гр. Вакуленчука въ Одессѣ.

Матроса Вакуленчука убилъ, какъ извѣстно, старшій офицеръ «Потемкина» Гиляровский, самъ за то поплатившійся жизнью. Въ 5 съ половиною часовъ утра, 15 іюня, тѣло Вакуленчука переодѣли во все чистое и положили на походныя носилки, которыя были украшены флагами. Такъ онъ лежалъ почти цѣлыя сутки на кораблѣ, съ восковымъ крестомъ въ рукахъ. Чудная была картина. Вся команда, которая проходила церковную палубу, снимала фуражки и крестилась; многіе говорили: «Вотъ она жертва, павшая отъ царскаго произвола»... Въ каждомъ движеніи замѣтно было глубокое душевное уваженіе и сожалѣніе о безвременно погибшемъ борцѣ за свободу... Но вотъ подали паровой катеръ къ правому трапу и снесли носилки съ тѣломъ. На катеръ сѣлъ почетный караулъ. Когда отвалили отъ трапа, то команда вся сняла шапки и крестилась. Черезъ четверть часа подошли къ пристани, на которой сидѣло мно-

го народу, который удиль рыбу. Когда мы опустили носилки съ тѣломъ на пристань, то весь народъ бросилъ удочки, прибѣжалъ къ пристани и началъ спрашивать, въ чемъ дѣло? Мы отвѣчали: «Тамъ есть записка; прочтите и узнаете». Многіе подходили къ трупу, читали записку, крестились и уходили сейчасъ же въ городъ. Мы пошли къ кораблю.

Послѣ обѣда пріѣхали на корабль товарищи съ вѣстью, что полиція хочетъ хоронить Вакуленчука сама, товарищамъ же не даетъ хоронить. Мы тотчасъ послали караулъ въ 15 человекъ, которому было приказано охранять тѣло отъ полиціи. Когда вечеромъ начался пожаръ въ порту, мы поѣхали узнать въ безопасности ли трупъ? Намъ сказалъ товарищъ (еврей — рабочий), что горожане сами будутъ охранять трупъ, а караулъ можно убрать: пускай отдохнетъ. Мы поѣхали обратно на корабль. Часа въ 2 дня, 16-го іюня, къ намъ пріѣхалъ посыльный отъ капитана надъ портомъ, чтобы дали мы матросовъ для похоронъ, и Вакуленчука будутъ-де хоронить не городскія власти, а городской народъ. Мы выбрали 12 человекъ почетнаго караула, *безъ оружія*, которые и отправились сопровождать носилки, предварительно попросивъ гарантію безопасности для матросовъ. Съ почетнымъ карауломъ пошелъ судовой священникъ, который однако тутъ же, на пристани, бросилъ тѣло и ушелъ въ гостиницу.

Вотъ подняли носилки и двинулись въ городъ... Не могу я описать этой божественно-чудной картины, которая представилась моимъ глазамъ! Слава одеситамъ! слава одесскимъ товарищамъ, которые такъ близко приняли къ сердцу нашу общую скорбь и печаль о товарищѣ! Ни по какомъ, я думаю, въ мірѣ царѣ, ни королѣ не лилось столько слезъ, какъ по этомъ дотолѣ безвѣстномъ матросѣ. Показныхъ слезъ, можетъ быть, лилось за кѣмъ нибудь и больше; но то были слезы купленные, а эти естественныя, искреннія, отъ чистаго сердца. Народъ шелъ сплошной стѣной по улицѣ. Впереди шли казаки и очищали дорогу. Прахъ несли большею частью студенты и молодые барышни. Можно сказать, что за народомъ домовъ почти не видно

было: въ каждомъ окошкѣ, на каждомъ балконѣ, у подъѣздовъ, стояли люди, при проходѣ процессіи падали на колѣни, поднимали руки къ небу и кричали: «Долой самодержавіе!» «Долой царя-убійцу!» «Да здравствуетъ свобода, равенство и братство!»

Царь и его правительство опять, вѣрно, скажутъ, что это кричали босяки и «жиды», которые были пьяны... Нѣтъ, это кричала вся Одесса, какъ одинъ человѣкъ! Мальчики—тѣ подъ ногами у большихъ бѣгали и кричали: «да здравствуетъ свобода и *Потемкинъ!*» По пути мы встрѣчали много военныхъ патрулей, которые выстраивались во фронтъ и отдавали тѣлу честь по военному.

Какъ опустили трупъ въ могилу, я не видѣлъ, потому что казачій полковникъ предложилъ намъ идти на корабль. Посадили насъ на извозчиковъ, и мы поѣхали въ портъ. По дорогѣ мы были остановлены ротой солдатъ, которые стояли на улицѣ. Офицеръ потребовалъ, чтобы мы шли пѣшкомъ. Не подозрѣвая измѣны, мы спѣшились. Но едва мы вошли въ середину фронта, какъ горнистъ заигралъ сигналъ: «Открыть огонь», и по насъ дали залпъ. Мы были безоружны и потому бросились бѣжать вдоль улицы, пока не скрылись за угломъ. Но навѣрно солдаты или не умѣли, или не хотѣли по насъ стрѣлять, потому что убитыхъ я не видалъ, хотя былъ самый задній изъ бѣгущихъ, и у меня пулей порвало на колѣняхъ шаровары. Прибѣжало насъ на пристань только 9 человѣкъ; судьба трехъ остальныхъ мнѣ неизвѣстна.

Минно-машинный квартирмейстеръ I-ой ст.

Афанасій Матющенко.

ПОСЛѢДНІЯ

изданія Партіи Соціалистовъ-Револүціонеровъ

40.	Соціализмъ и I-ое мая.	(разошлось)	5.000	"
41.	„Ничего съ нами не подѣлаешь“. Пов.	С. Некрасова.	10.000	"
42.	Что говорятъ соціаль-демократы „деревенской бѣднотѣ“	А. Рудина.	5.000	"
43.	По вопросамъ программы и тактики. Вып. I.		10.000	"
44.	Дворянскій царь.*	(разошлось)		
45.	Слово о правдѣ.*	(разошлось)		
46.	Крестьянское раззоренье и царская казнь	(разошлось)	3.000	"
47.	Воля царская и воля народная		2.000	"
48.	Государственный строй въ Россіи	(раз.)	3.000	"
49.	Долой полицію!	(разошлось)	2.000	"
50.	Какъ смотрятъ с.-д. и с.-р. на крестьянство и земельный вопросъ		5.000	экз.
51.	Д. Хилковъ. Терроръ и массовая борьба		10.000	"
52.	Ф. Волховской. Какъ мужикъ у всѣхъ въ долгу остался		5.000	"
53.	„Почему армяне «бунтуютъ».		7.000	"
54.	Ю. Гарденинъ. Памяти Н. К. Михайловскаго		5.000	"
55.	Е. Брешковская. Ипполитъ Мышкинъ и архангельскій кружокъ		7.000	"
56.	„Къ національн. вопросу		2.000	"
57.	Фрума Фрумкина.		3.000	"
58.	П. Поливановъ. Алексѣевскій равелинъ		5.000	"
59.	Юбилей Николая Послѣдняго		10.000	"
60.	Красное Знамя на 1905 годъ.		15.000	"
61.	На войну (Изъ рассказ. запаснаго солдата)		10.000	"
62.	Д. Хилковъ. Объ уличныхъ безпорядкахъ		10.000	"
63.	„О свободѣ и о томъ, какъ она добывается		15.000	"
64.	Государственные идеалы либерализма (съ приложеніемъ проекта земской конституціи			
65.	О свободѣ вѣры.		6.000	"
66.	Исторія одного преступленія.			

[50] 1,44 (1986)

3921

12
11

Я СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

Матюшенко Афанасій
Матросы

Чернаго Моря.

Львѣв. Бібліотека
АН. УРСР

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Севастопольская эскадра передъ «Потемкинъ» (стихотвореніе). 2. Правда о «Потемкинѣ» (написалъ Афанасій Матюшенко). 3. Заявленія команды «Потемкина». 4. Приказъ адмирала Чухнина. 5. Похороны Гр. Вакуленчука въ Одессѣ (написалъ Афанасій Матюшенко).

Бібліотека
научного товариства
1905
Имени ШЕВЧЕНКА.

67.	Листовка № 1. Положеніе русскаго крестьянства (разошлось)	
68.	» 2. Эхъ, пора бы, братцы, взяться вамъ за умъ (разошл.)	
69.	» 3. Какъ добывать землю и волю	
70.	» 4. Что такое Земскій Соборъ и конституція	10.000
71.	» 5. Откуда пошла русско-японская война (разошлось)	10.000
72.	» 6. Кто врагъ? (разошлось)	10.000
73.	» 7. Хватило-ли бы на всѣхъ земли? (разошлось)	10.000
74.	» 8. О наказаніи сильныхъ злодѣевъ (разошлось)	10.000
75.	» 9. Горе русскихъ солдатиковъ (разошлось)	10.000
76.	» 10. Сказка о царѣ Акакіи	10.000
77.	» 11. Портъ-Артурское сидѣнье	10.000
78.	» 12. О «фондѣ народнаго просвѣщенія» (разошлось)	10.000
79.	» 13. Паденіе самодержавія	10.000
80.	» 14. Какъ попы обманыв. народъ	10.000
81.	» 15. Либералы и соц.-демокр.	10.000
82.	Царь.	10.000
83.	Д. Хилковъ. Революція и сектанты	10.000
84.	Маниковский. Сорокъ дней передъ казнями	10.000
85.	Воззваніе Г. Гапона къ крестьянамъ	40.000
86.	Арабатскій. Подвиги паризма (изд. совместно съ Армян. Рев. Федерацией)	10.000
87.	Ко всему русскому крестьянству	20.000

Періодическія изданія.

«Революціонная Россія» №№ 1—71. «Вѣстникъ Русской Революціи» №№ 1—4. «Народное Дѣло» №№ 1—5. «Былое» №№ 3—5.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Револуціонеровъ.